

INSPIRIA

ВРОК

18+

Луиза
Эрдрич

INSPIRIA

Луиза Эрдрич

Срок

Серия «Loft. Луиза Эрдрич»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70248883
Л. Эрдрич. Срок: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-197967-6

Аннотация

Неожиданная новинка от Пулитцеровского лауреата Луизы Эрдрич!

Маленький независимый книжный в течение года посещает призрак надоедливой покупательницы, которая отказывается покидать магазин. Индианка Туки, которая устроилась туда продавцом после нескольких лет тюремного заключения, должна разгадать тайну этой навязчивой гостьи и в то же время попытаться разобраться в себе, своих страхах и происходящих в городе переменах.

Перед вами загадочный, наполненный магией роман, как и многие книги Эрдрич, не лишенный глубины и эмоциональности – о проживании горя, материнстве и несправедливой судьбе.

Содержание

Портрет старшеклассника	5
Туда и оттуда	7
Земля к земле	7
История женщины	51
Ноябрь 2019 года	51
Книжный магазин: образ оборванки	62
Клиенты	68
Бумажные полотенца	71
Форель с розовой мякотью	76
Миигвечивигиижигад (День, когда мы выражаем благодарность)	89
Тропки меж книжными стеллажами	95
Вторая натура Пенстемон Браун	97
Исповедальня	102
Срок	108
Так благодарны!	113
Настоящая	119
Армейский медицинский музей	121
Сонное воскресенье	127
Черный снег	133
Никогда	133
102 года	136
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Луиза Эрдрич

Срок

Louise Erdrich

The Sentence

© 2021, Louise Erdrich

© Тарасов М., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Портрет старшеклассника

Прежде чем расстаться с моим школьным парнем, я вставила в рамку его портрет. Наши пути разошлись, но я оставила фотографию на полке. Мы мирно расстались, просто пошли дальше и пообещали оставаться друзьями. Я не думала об этой фотографии до тех пор, пока однажды не стала прибираться в комнате, готовясь к поступлению в колледж. Я почувствовала покалывание от того, что кто-то пристально на меня смотрит. Я обернулась и заметила старую фотографию. Потянувшись, чтобы снять ее с полки, я заметила на поверхности каплю воды и попыталась смахнуть ее. Но ничего не вышло. Капля присутствовала на самой фотографии. Я была поражена, потому что никогда прежде не замечала, чтобы мой бывший парень плакал на своей выпускной фотографии. Поскольку мы все еще были друзьями, я позвонила в дом его матери, чтобы спросить об этом моего бывшего парня, но ее голос по телефону был расстроенным... Произошел несчастный случай. Он лежал в больнице в Фарго¹, в коме. Я сразу же поехала к нему и у постели держала его за руку, хотя новой девушке моего бывшего это не понравилось. Кома длилась четыре дня, и когда он вышел из нее, то рассказал матери, что все это время плакал, стучался в стек-

¹ Фарго – крупный город в штате Северная Дакота.

лянную дверь и умолял, чтобы вернуться в эту жизнь.

Всем, кто работал в «Берчбарк букс», нашим клиентам и нашим призракам

Каждое произносимое слово в течение всего срока нашей жизни – это часть одного длинного предложения.

Сунь Юн Шин². Невыносимое великоление

² Сунь Юн Шин (р. 1974) – корейско-американская поэтесса, писательница, консультант и педагог. – *Здесь и далее прим. пер.*

Туда и оттуда

Земля к земле

Сидя в тюрьме, я получила словарь. Его передали мне с запиской: *«Эту книгу я взяла бы с собой на необитаемый остров»*. Я ждала и другие книги. От моей бывшей учительницы. Но как она, верно, знала, именно словарем можно пользоваться бесконечно. «Срок» – первое слово, которое я в нем нашла. Немыслимый срок длительностью шестьдесят лет прозвучал из уст судьи, верящего в загробную жизнь. Итак, слово с зияющей «с», рокочущим «р» и воинственной маленькой «к», окружающими человеческое «о», изолированное и округлое. Это слово присутствовало в моих мыслях каждый миг каждого дня. Без сомнения, если бы не появился словарь, это легкое слово, которое так тяжело давило, разломало бы меня – а вернее, то, что от меня осталось после невероятной странности всего, что я совершила.

А совершила я преступление, находясь в опасном возрасте. Хотя мне было за тридцать, я все еще цеплялась за физические занятия и умственные привычки девочки-подростка. Шел 2005 год, но я веселилась, пила и употребляла наркотики, как будто 1999-й не миновал и мне было семна-

дцать, хотя печень то и дело напоминала, что стала на десять лет старше. По многим причинам я еще не знала, кто я такая. Теперь, когда я лучше разбираюсь в подобных вещах, скажу вот что: я женщина уродливая. Я имею в виду, что я не одно из тех уродливых созданий, о которых пишут книги и снимают фильмы, где героиня внезапно преображается под воздействием ослепительной красоты. Я не говорю о ситуациях, которые учат людей жить. Я некрасива внутренне. Например, мне нравится лгать, и я хорошо умею продавать людям бесполезные вещи по ценам, которые они не могут себе позволить. Конечно, теперь, когда у меня больше такой возможности нет, я продаю только слова. Подборки слов между картонными обложками.

В книгах есть все, что стоит знать, кроме того, что в конечном счете имеет значение.

В тот день, когда я совершила преступление, я растянулась у тощих белых ног Данаи, моей тайной возлюбленной, пытаюсь справиться со своими тараканами. Зазвонил телефон, и Даная поднесла трубку к уху. Она прислушалась, вскочила, завизжала. Сжала телефон обеими руками и зажмурилась. Затем распахнула наполненные слезами глаза.

– Он умер на руках у Мары. Боже, о боже. Она не знает, что делать с его телом!

Даная отшвырнула телефон и запрыгнула обратно на диван, завывая и размахивая тонкими паучьими руками и но-

гами. Я заползла под кофейный столик.

– Туки! Туки! Где ты?

Я забралась на кожаные подушки и попыталась успокоить помешанную подругу, укачивая, прижимая ее голову с растрепанными соломенными волосами к своему плечу. Хотя Даная была старше меня, она была тщедушной, как девочка-подросток. Когда она прижалась ко мне, я почувствовала, как мое сердце забилося сильнее. Я стала щитом, заслонившим ее от всего мира. Или, может быть, слово «бастион» подойдет точнее.

– Все в порядке, ты в безопасности, – произнесла я хриплым голосом.

Чем сильнее она плакала, тем счастливее я себя чувствовала.

– И не забывай, – добавила я, довольная ее жалобным сопением, – у тебя теперь куча денег!

Два дня назад Даная сорвала в казино куш, который выпадает раз в жизни. Но о прекрасном будущем говорить было еще слишком рано. Даная хваталась за горло, пытаясь вырвать трахею, билась головой о кофейный столик. Преисполненная сверхъестественной силы, она разбила абажур и попыталась вскрыть вены кусочком пластика. Даже несмотря на то, что у нее было все, ради чего стоило жить.

– К черту выигрыш. Я хочу его! Баджи! О, Баджи, душа моя!

Она столкнула меня с дивана.

– Он должен быть со мной, а не с ней. Со мной, а не с ней.

Я слышала этот бред в течение последнего месяца. Даная и Баджи планировали сбежать вместе. Абсолютный отрыв от реальности. Оба утверждали, что по части своих желаний попали в другое измерение. Но потом старый мир обрушился на них. Однажды Баджи протрезвел и вернулся к Маре, которая была не таким уж плохим человеком. Например, она завязала, после чего старалась оставаться в ясном сознании. По крайней мере, я так думала. Увы, сейчас можно было сказать, что попытка Баджи снова стать нормальным потерпела неудачу. Хотя умирать – это нормально.

Даная завывала:

– Не знает, что делать с его телом! Что, что, что это значит?

– Ты обезумела от горя, – сказала я и дала подруге кухонное полотенце, чтобы она утерла слезы.

Это было то же самое кухонное полотенце, которым я пыталась убивать тараканов, хотя и знала, что они галлюцинация. Даная приложила его к лицу, раскачиваясь взад-вперед. Я старалась не смотреть на раздавленных тараканов, просачивающихся между ее пальцами. Они все еще подергивали крошечными ножками и размахивали хрупкими стебельками усиков. Какая-то идея пронзила Даная. Она вздрогнула и замерла. Затем повернулась, уставилась на меня большими розовыми глазами и произнесла леденящие душу слова:

– Мы с Баджи единое целое. Одно тело. Я должна полу-

читать его тело, Туки. Мне оно просто необходимо, Баджи, душа моя!

Я скользнула к холодильнику, нашла пиво, принесла ей. Она оттолкнула мою руку.

– Время сохранить головы кристально ясными!

Я залпом выпила пиво и сказала, что время вырубиться.

– Да, нас вырубило! Чистое безумие то, что у нее, которая целый год не занималась с ним сексом, теперь есть его богом данное тело.

– У него было обычное тело, Даная. Он не был богом.

Она не услышала моих слов. Укусы тараканов обжигали. Я расчесала руки до крови.

– Мы идем туда, – решила Даная. Теперь ее глаза пылали огнем. – Мы идем туда, как чертовы морские пехотинцы. Мы должны вернуть Баджи домой.

– Он дома.

Она ударила себя в грудь:

– Я, я, я дома.

– Я ухожу.

Я поползла к сломанной двери. И тут-то начался главный прикол.

– Подожди. Туки. Разве ты не сможешь раздобыть Баджи? Привезти его сюда? Забирай мой выигрыш. Это примерно годовая зарплата учителя, милая. Может, директора школы? Это двадцать шесть тысяч.

Я застыла на четвереньках на липком коврикe у входа.

Даная почувствовала мой благоговейный трепет. Я дала задний ход, развернулась и уставилась на ее сладкую, как сахарная вата, улыбку.

– Я отдаю тебе деньги просто так. Просто помоги мне, Туки.

Я столько всего видела на ее лице. Видела светящиеся искры, вращающиеся чертовы колеса, покрытые фольгой, и много чего еще. Я видела, как четыре ветра путешествуют по зеленеющему пространству тканого мира. Видела, как листья выступают из этой фальшивой ткани, закрывая обзор. Но никогда не видела, чтобы Даная предлагала мне деньги. Любую сумму. А эта сумма могла бы поставить меня на ноги. Так волнующе и трогательно. Это было самое важное, что когда-либо между нами происходило.

– О, детка.

Я обняла ее, и она задышала, как нежный щенок, приоткрыв пухлый влажный ротик.

– Ты моя лучшая подруга. Сделай это для меня. Привезти Баджи. Мара тебя не знает. Она никогда тебя не видела. А кроме того, у тебя есть авторефрижератор.

– Больше нет. Меня уволили из «Норт Шор Фудс», – призналась я.

– О нет! – воскликнула она. – Как так вышло?

– Иногда я фрукты себе брала.

Я прятала в лифчик дыни, когда доставляла продукты. Огурцы – в джинсы. Ну, что в этом ужасного? Мои мысли

понеслись вскачь. Нанимаясь на новую работу, я всегда делала для себя копии ключей. Когда меня увольняли, возвращала старые, а запасные хранила в коробке из-под сигар с ярлычками, на которых было четко написано, к чему они подходят. Сувениры с работы. Это была просто привычка. Никаких мыслей о нарушении закона.

– Послушай, Даная, думаю, у тебя должна быть карета «Скорой помощи», или катафалк, или что-то в этом роде.

Она умоляюще погладила мою руку.

– Но Туки! Слушай. Все ясно. Слушай! Все же ясно.

Я сосредоточилась на другом. Поглаживание было таким приятным. Наконец ей удалось приковать к себе мой взгляд, и она заговорила со мной, как с неразумным ребенком:

– Итак, Туки, милая? Мара и Баджи снова пустились во все тяжкие, и он умер. Что, если ты принарядишься? Она позволит тебе положить его в грузовик.

– Даная, грузовики, о которых ты говоришь, разрисованы сливами с беконом или стейками с салатом.

– Не показывай ей рефрижератор! Ты вынесешь тело и погрузишь. Оно... – Какое-то мгновение Даная не могла продолжать. Она давилась словами, как трехлетка. – ...Сохранится в холоде. А потом деньги...

– Да.

Мой мозг яростно заработал от адреналина, связанного с денежными знаками, и мысли бешено закружились. Я чувствовала, как искрятся мои нейроны. Голос Данаи стал слад-

ким и вкрадчивым.

– Ты сильная. Ты сможешь его поднять. Баджи у нас легкий.

Я добавила, что Баджи был жалкий, как крыса, но Даная не обратила внимания на мои слова. Она сияла сквозь слезы, потому что я согласилась выполнить ее просьбу. В тот миг работа, которой я занималась, взяла верх. Ридер контрактов, вот какую должность я занимала в то время. Помощник юриста на полставки, который читает контракты и проверяет условия их исполнения. Я заявила Данае, что хочу заключить сделку на бумаге. Подписанную нами обеими.

Она устремила к столу и что-то написала. Потом сделала кое-что получше. Выписала чек с множеством нулей и помахала им у меня перед носом.

– Надень платье. Приведи себя в порядок. Съездишь за Баджи – чек твой.

Она отвезла меня на Северный берег. Я направилась к складу. Пятнадцать минут спустя я выехала из него на грузовике для доставки продуктов. На мне были туфли на каблучках, до боли обтягивающее черное коктейльное платье и зеленый жакет. Волосы были зачесаны назад и спрыснуты лаком. Макияж, быстро нанесенный Данаей, был безупречен. За последние годы я не выглядела лучше. Я держала записную книжку и папку, из которой только что вынула стопку школьных заданий дочери Данаи. В сумочке лежала ручка.

Что Даная собиралась делать с Баджи, когда я его к ней

привезу? Я задавала себе этот вопрос, гоня по дороге. Что, черт возьми, она собирается с ним делать? Ответа не было. Тараканы снова забрались мне под кожу.

* * *

Баджи и Мара жили к западу от Шагега, городка, выросшего вокруг казино, на границе между Висконсином и Миннесотой, в покосившемся сером домишке. Я припарковалась на улице, где грузовик не так бросался в глаза. Тощая псина в конуре рядом с домом подняла голову. Но не залаяла, и это заставило меня похолодеть. Раньше у меня случались стычки с такими безмолвными тварями. Однако эта попятилась. Ее бесцветные глаза закатились, когда я нажала на дверной звонок, установленный, должно быть, в лучшие времена. Изнутри донеслось цивилизованное пиликанье. Мара повозилась с замком и распахнула дверь.

Я встретила взгляд ее опухших красных глаз с искренним сочувствием:

– Соболезную вашей утрате.

Мы протянули руки и сцепили пальцы, как это делают женщины, делясь друг с другом эмоциями посредством неухоженных ногтей. Мара была на диво убедительна для женщины, не знающей, что делать с телом. Она тряхнула

лохматой ретрошевелюрой в стиле Джоан Джетт³. Оказалось, у нее имелись на то причины.

– Конечно, я думала позвонить в пожарную службу⁴, – призналась она. – Но я не хочу слышать сирену! Он выглядит таким умиротворенным и довольным. И мне не нравятся похоронные бюро. Мой отчим был гробовщиком. Я не хочу, чтобы Баджи накачали консервантами и он выглядел, как экспонат музея восковых фигур. Я просто подумала, что положу его где-то там... во вселенной... сделаю несколько звонков...

– Потому что вы знали: вселенная ответит, – подхватила я. – Возвратить человека природе – это естественно.

Я направилась в дом, когда Мара посторонилась. Она моргнула и недоумевающе посмотрела на меня ничего не подозревающими зеленовато-кариими глазами. Я кивнула с мудрым сочувствием и перешла в режим продавца, когда слетающие с губ слова – лишь догадки относительно того, чего действительно хочет покупатель. Обычно я выгляжу заслуживающей доверия – отчасти благодаря суровому лицу. Оно хорошо служит мне в старании угодить людям. Но в основном помогает мой лучший навык – умение ориентироваться на глубинные потребности другого человека. Нужные подсказки я извлекала из вопросов Мары.

³ Джоан Джетт (настоящее имя Джоан Мэри Ларкин; р. 1958) – американская рок-певица, гитаристка, вокалистка, продюсер и автор песен, актриса.

⁴ В Америке пожарную службу вызывают по всем экстренным случаям.

– Что именно вы подразумеваете под возвращением человека природе?

– Мы не используем химикаты, – пояснила я. – Тело разлагается под воздействием микроорганизмов.

– Что потом?

– Возвращение в землю. Это предполагает наша психодуховность. Отсюда и название: «Земля к земле». И деревья. Мы окружаем любимого человека деревьями. Так что вырастает роща. Наш девиз: «От могил к рощам». Вы можете пойти туда и помедитировать.

– Где это место?

– Когда придет время, я отведу вас туда. А сейчас мне нужно помочь Баджи начать его путешествие. Не могли бы вы показать мне, где он покойся?

Я поежилась при слове «покойся» – может, оно слишком раболепное? Но Мара уже показывала мне, куда пройти.

Задняя спальня в доме Мары и Баджи была забита нераспакованными товарами – похоже, у них имелась проблема, с которой я могла бы помочь, – но я оставила это на потом. Баджи лежал с отвисшей челюстью на грязных подушках, озадаченно косясь на пирамиду пластиковых контейнеров в углу. Как будто перед смертью он был слегка удивлен ее видом. Я дала Маре бумаги. Это были бланки разрешений на экскурсии в классе дочери Данаи, которые я прихватила с ее стола. Мара внимательно их прочитала, и я попыталась

скрыть панику. Мало кто читает официальные бланки. Иногда мне кажется, будто я единственная, кто это делает, да и то, конечно, из-за моей нынешней работы. С другой стороны, иногда люди читают их напоказ, глазами, а не мозгом. Мара делала именно это. Она поморщилась, вписывая имя Баджи в первый пробел, а затем подписала бланки внизу с видом несчастной обреченности. При этом она сильно нажимала на палочки буквы *М*.

Эта искренняя деталь тронула меня. Я не бессердечна. Я подошла к грузовику и порылась за холодильниками для молочных продуктов, где, как я знала, имелся брезент. Принесла его в дом и положила рядом с телом Баджи. Он еще не успел окоченеть. На нем была футболка с длинными рукавами под потрепанной лжевинтажной рубашкой «Уайтснейк». Я завернула его в брезент, выпрямила ноги и сложила руки на груди, как если бы он был, скажем, последователем Гора. Потом опустила веки на вопрошающих глазах Баджи, и те остались закрытыми. Прodelывая все это, я подумала: «Быстрее. Думать будешь потом». Но, проведя пальцами по его лицу, чтобы закрыть веки, я похолодела. Вечно не видеть ответа. Мне требовалось чем-нибудь подвязать его подбородок. В грузовике у меня был только буксировочный трос.

– Мара, – проговорила я, – вы хотите, чтобы я пошла к машине и принесла профессиональные крепления, или предпочтете пожертвовать Баджи свой шарф в знак вечной любви? Не в цветок, если возможно.

Мара принесла длинный синий шелковый шарф со звездами.

– Подарок от Баджи на день рождения, – произнесла она очень тихо.

Я удивилась. Насколько я знала, Баджи был прижимист. Возможно, шарф был «о-го-го каким» подарком от виноватого супруга, вернувшегося к жене. Я обернула голову Баджи шарфом, чтобы подвязать его челюсть, и отступила. А я еще спрашивала себя, есть ли у меня призвание. Внезапно лицо покойного приняло сверхъестественно мудрое выражение. Словно при жизни он только притворялся мудаком, а на самом деле был великим шаманом.

– Как будто он... всезнающий, – прошептала впечатленная Мара.

Мы снова сплели наши пальцы. Все это начинало грозить нешуточными переживаниями. Я чуть не сломалась и не оставила Баджи на месте. Теперь, конечно, я жалею, что не сделала этого. Но вездесущий продавец, сидевший во мне, взял верх и продолжил гнуть свое.

– Все в порядке, Мара. Я собираюсь сопровождать Баджи на следующем этапе его путешествия, и обычно все проходит лучше, если скорбящий выпьет чашку чая и помедитирует. Вы же не хотите удерживать его.

Мара наклонилась и поцеловала мужа в лоб. Затем выпрямилась, глубоко вздохнула и пошла на кухню. Я услышала шум воды, наполняющей предположительно чайник, и взва-

лила Баджи на плечи, как пожарный – пострадавшего. Пока Мара заваривала чай, я протащила его через дверь, мимо молчащей псины и положила в кузов грузовика. Мне пришлось сбросить туфли на каблуках и запрыгнуть в рефрижератор, чтобы втащить тело внутрь. Адреналин помог, хотя платье порвалось. Я села за руль и повезла Баджи к Данае.

Она ждала на переднем крыльце. Я вылезла из грузовика. Она бросилась ко мне, но, прежде чем отдать ей Баджи, я потеряла большой палец об указательный. Даная достала чек из заднего кармана джинсов, развернула его, но сказала, что сначала должна увидеть тело. Затем она улыбнулась и облизнула мясистые губы, словно обсасывала карамельку.

Моя любовь к Данае сползла с меня, как старая кожа. Иногда достаточно одного взгляда, чтобы все понять. Баджи обрел задумчивое достоинство. Даная была безумно нетерпелива. Соединить эти два факта у меня не получалось. Мы подошли к задней части грузовика. Я протянула руку и откинула брезент, но удержалась от желания посмотреть на Баджи и Данаю. Она протянула мне чек, а затем села рядом с Баджи. Я убедилась, что чек подписан правильно. Затем с облегчением отошла от грузовика. Из моих дальнейших действий вы поймете, что я не профессиональный похититель тел, как утверждали позднее. Я просто ушла. Бросила ключи на водительское сиденье грузовика и села в свою маленькую «Мазду». Я оплошала по двум пунктам. Во-первых, я должна была помочь занести Баджи в дом, а во-вторых – тайком

вернуть грузовик. Погодите. Мне вообще не следовало забирать тело Баджи. Но то, что я оставила его тело в холодильнике, в конце концов навредило мне больше всего.

Это – плюс то, что я не заглянула ему под мышки. Увы.

Была еще только середина дня, а потому я отправилась прямиком в банк и депонировала чек. За вычетом суммы наличными, которую мой счет покроет до того, как чек будет оплачен. Шестьдесят долларов. С этими двадцатками в сумочке я поехала дальше, приказывая себе дышать и не оглядываться. Я вошла в нечто среднее между стейкхаусом и баром, место, которое часто посещала, когда у меня водились деньги. Заведение находилось в лесу в нескольких милях от города вниз по шоссе. В «Счастливой собаке» я заказала виски и шикарный рибай. К нему прилагались зеленый салат и запеченный фаршированный картофель. Восхитительно. Мои чувства ожили. Еда и деньги вылечили меня. Виски убил тараканов. Я стала новым человеком, той, кому не уготована судьба закончить земную жизнь, косясь на кучку толстяков. Той, чья судьба сложилась при необычных обстоятельствах. Мой творческий порыв послужил поводом для дальнейших раздумий. Бизнес, который я придумала на лету, – «Земля к земле», – мог иметь успех. Люди искали альтернативы. К тому же смерть была устойчива к рецессиям и не могла быть легко передана на аутсорсинг другой стране. Я знала, что будут законы, правила и другие препятствия, но с помощью куша, сорванного Данаей, я могла наладить жизнь.

Пока я сама себе излагала свое многообещающее будущее, он приземлился в кресло напротив. Мой заклятый враг. Моя альтернативная страсть.

– Поллукс, – обратилась к нему я. – Моя индейская со-
весть. Где твой симпатичный наряд полицейского племени?

Поллукс был когда-то остроглазым боксером. Нос искривлен, левая бровь помята. Один зуб вставной. Костяшки пальцев – шершавые бугорки.

– Я не на дежурстве, – ответил он. – Но здесь не просто так.

Мое сердце дрогнуло. Я боялась, что Поллукс пришел, чтобы оказать мне особую услугу.

– Туки, – сказал он. – Ты понимаешь, о чем я.

– Мы должны прекратить встречаться?

– Я понял, что это ты, как только увидел рефрижератор.
Инновационный подход.

– Я мыслитель, этого у меня не отнять.

– Племя не зря отправило тебя в колледж.

– Да, – согласилась я.

– Вот что я скажу. Я куплю тебе еще виски, прежде чем мы поднимем шумиху.

– Я собиралась начать прекрасный бизнес, Поллукс.

– Ты все еще можешь. Максимум лет через двадцать. Ты на славу поработала. Подозревали твоих подруг. Увы, они впали в истерику и начали хвастаться знакомством с тобой.

(Даная, Даная! Ох, моя ненаглядная.)

– Шутишь насчет двадцати. У-у-у, мне страшно. Ты разговаривал с Марой?

– Она похвалила твое обслуживание, сострадание и не отказалась от своих слов даже после того, как мы ей сказали, что за тобою стоит Даная.

– О, правда?

Я радовалась даже при таких обстоятельствах. Но мой приятель пока не признался, что нарочно запугивал меня.

– Поллукс, дай твоей старой приятельнице Туки передохнуть. И послушай-ка, почему двадцать?

– Я умею слушать, что говорят вокруг, – отозвался Поллукс. – Ты могла бы... я имею в виду, с твоим послужным списком. Тут никогда не знаешь наверняка. Срок может увеличиться и вдвое.

Я постаралась справиться с нехваткой воздуха. И все же чего-то недоставало. Преступления.

Поллукс уставился на меня – темным печальным взглядом из-под искалеченных бровей. Тот проникал в глубину моего нервного раскисшего сердца. Но теперь я видела, что он говорит всерьез.

– Как это? Почему двадцать гребаных лет?

– Не мое дело выяснять, знаешь ты или нет, что нашли на теле у Баджи.

– Что у него могли найти? Какую-нибудь фигню. Но ты не ответил на мой вопрос.

– Ты знаешь правила, которым я подчиняюсь. Но было бы

лучше, если бы ты не депонировала этот чек.

– Я не дура. Конечно, я его депонировала.

Поллукс промолчал. Мы посидели еще немного. Его поврежденная бровь опустилась. Он пригубил виски и с грустью заглянул мне в глаза. Иногда при определенном освещении я выгляжу поразительно, напоминая девчонку-оторву, Поллукс при любом освещении уродливый окончательно и бесповоротно. Но как мужчина, боец, он не теряет от этого много очков. Суровый, так его называют. Он отвел взгляд. Когда он на меня смотрел так выразительно, я понимала: это слишком хорошо, чтобы продлиться долго.

– А теперь скажи, – велела я. – Все-таки двадцать?

– Ты наконец добилась успеха, Туки.

– Это был солидный чек. Я подумывала о благотворительности, понимаешь? После деловых расходов...

– Дело не в чеке, хотя и в нем тоже. Послушай, Туки. Кража трупа? И того, что было на нем? Это больше, чем крупное воровство. Плюс рефрижератор...

Я чуть не поперхнулась. Нет, я действительно подавилась. Даже слезы навернулись. Я даже не считала свои действия преступлением. Слова «хищение в крупных размерах» звучат шикарно, если только вам сказать больше нечего.

– Поллукс, я не воровала! Я перевозила тело. Делала одолжение подруге. Ладно, для этого я позаимствовала грузовик. Ну, что мне оставалось, когда она кричала во весь голос: «*Баджи, душа моя*»?

– Да, Туки. Но ты депонировала чек. Кроме того, грузовик был рефрижераторным. Как будто ты собиралась расчленить тело.

Я потеряла дар речи.

Поллукс заказал мне еще виски.

– Ты единственный в своем роде, – наконец выговорила я. – А кроме того, потаватоми⁵. Родня по племени.

– И друг, – подсказал Поллукс. – Мы, разумеется, провели вместе целую вечность. Мы росли вместе на Черепашьей горе. О, Туки, моя бесконечная...

– Бесконечная что?

Он не ответил. Я спросила опять.

– Мы добьемся сокращения твоего срока, – сказал он наконец. – Я попробую привести аргументы в твою защиту. Может, заключим какую-нибудь сделку. Я не думаю, что кража тела должна быть таким уж серьезным преступлением. И ты не знала...

– Продолжай. Почему это преступление? Это был просто Баджи.

– Я знаю. К тому же история с расчленением...

– Это глупо. И он был недостаточно свеж, чтобы его можно было продать.

Поллукс посмотрел на меня серьезно и сказал, чтобы я не вздумала ляпнуть это в суде.

⁵ Потаватоми – один из коренных народов США и Канады района Великих озер, чей язык входит в алгонкинскую семью.

– Власти племени не станут этим заниматься, – продолжил он. – Это дело федерального уровня. Люди в этой системе не знакомы с твоим чувством юмора. Твое обаяние не подействует. Для них мы просто большие злобные индейцы, ты и я. Хотя...

Он вроде как собрался меня обнадежить, но я его перебила:

– Только ты стал нашим племенным полицейским. Мудрый выбор.

– Ты можешь быть кем угодно, – вскипел Поллукс. – Ты заставляешь мой мозг кипеть. Заставляешь мое сердце (он осторожно коснулся своей груди) переворачиваться. Скручиваешь его в узел. Как будто никогда не слышала, что именно наш собственный выбор приводит нас туда, где мы есть.

Более правдивых слов еще никогда никто не произносил, но я не смогла ответить. Мысли в голове метались.

Мы пристально посмотрели друг другу в глаза. Я закатала рукава зеленого жакета и положила руки на стол. Вот тогда-то он вытащил наручники и арестовал меня. Прямо на месте.

* * *

Я не очень люблю смотреть телевизор, а потому, ожидая суда в тюрьме, воспользовалась правом на телефонный звонок, чтобы попросить Данаю привезти книги. Ее номер был

отключен. Тогда я позвонила Маре – то же самое. К моему удивлению, на помощь пришла учительница, преподававшая в седьмом классе школы при резервации, когда я там училась. Я всегда думала, что Джеки Кеттл проявляла ко мне доброту, потому что была очень молода и первый год работала с детьми. Но оказалось, что она следила за своими учениками. Она узнала, что меня посадили в тюрьму, пошла на распродажу и за доллар купила целую коробку толстых фолиантов. В основном это были жизнеутверждающие книги, то есть, по правде, казались комичными. Но среди них нашлось две или три, по-видимому, выброшенных студеном-первокурсником, некогда купившим их для программы обязательного чтения. Книги минувших лет. Мне позволили обзавестись старой «Антологией английской литературы» Нортон. Она помогла мне пройти через обрушившиеся испытания. Меня нечасто навещали посетители. Однажды пришел Поллукс, но мне показалось, что он вот-вот заплачет, и на этом все. Даная накликала на меня беду, сочинив историю, превратившую мой поступок в нечто особенное и все такое. Она заявила, что действовала необдуманно. Я простила ее, но не хотела больше видеть. Как бы то ни было, антология помогла скоротать время, и довольно скоро мне пришлось встретиться с Л. Роном Хаббардом. Собственно, у нашего племени имелся адвокат-защитник, который был саентологом. Так бывает с исконными обитателями нашей земли. На самом деле его звали не Л. Рон Хаббард.

Просто мы его так окрестили. Его настоящее имя было Тед Джонсон. Мы с Тедом встречались в унылой комнатенке, отведенной для встреч с адвокатами. Тед Джонсон был самым невзрачным человеком на свете, грустным недотепой в мешковатых костюмах из магазинов готовой одежды, предпочитающий мягкие галстуки в духе восьмидесятых. Картину дополняли большие залысины и кудрявый чубчик, который он постоянно зачесывал назад. У него было круглое пустое лицо, совершенно непроницаемые зеленые глаза с крошечными зрачками, холодными, как сверла. К сожалению, он не скрывал своей сверхъестественной проницательности.

– Туки, я удивлен.

– Вы удивлены, Тед? Удивлена я. Кто назвал это преступлением?

– Это кража тела!

– Это была не кража. Я же не оставила тело себе.

– Хорошо. Я воспользуюсь этой информацией. Вы, однако, приняли платеж в размере более двадцати пяти тысяч долларов, что, если рассматривать дело как случай со статуей и так далее...

– Со статуей? Вы, верно, хотели сказать – статут?⁶

– Я сказал то, что сказал.

Тед стоял на своем. Я была в беде.

– Само человеческое тело стоит девяносто семь центов, –

⁶ Статут – в США, Англии и некоторых других странах так называют законодательные акты общенормативного характера.

сообщила я ему. — Это если продавать составляющие его минералы и прочее.

— Хорошо. Я воспользуюсь этой информацией.

Он сделал паузу:

— Откуда вы это знаете?

— От моего школьного учителя химии, — ответила я.

Только потом мне пришло в голову, каким идиотом был мистер Хрункл, а еще и то, что на каком-нибудь черном рынке органов Баджи, возможно, стоил бы намного больше. Меня зазнобило, но я продолжила говорить.

— Послушайте, Тед. Деньги от Данаи — простое совпадение. Я взяла их на хранение. Она горевала, и я боялась, что она сотворит с ними какую-нибудь глупость, а я ее лучшая подруга. Я хранила эти деньги для нее. Как только вы меня вытащите отсюда, деньги вернутся на ее счет, где, не сомневаюсь, долго не пролежат.

— Конечно. Я воспользуюсь этой информацией.

— Итак, какова наша стратегия?

Тед заглянул в свои записи:

— Вы не оставили себе тело, стоимость которого сводится к девяносто семи центам.

— Может, не стоит упоминать про «сводится к». И вероятно, сейчас оно стоит немного больше. Инфляция.

— Хорошо. Деньги вы взяли у Данаи на хранение, чтобы та не потратила их, пока была не в себе от горя.

— Она сошла с ума от горя. И я ее лучшая подруга. Запи-

шите это.

– Да. У нас все будет хорошо! Я вас вытащу!

Он выглядел так, словно ему нужно было вздремнуть. Но прежде чем заснуть, он прошептал что-то странное:

– Вы знаете, что было приклеено к его телу, верно?

– Я полагаю, какая-нибудь бирка. Например, D.O.A.⁷.

– Нет, под рубашкой.

– Рубашкой «Уайтснейк». Классической. Старые кассеты?

Лицо Теда сморщилось в попытке понять, что я имею в виду. Он опасливо огляделся по сторонам, а затем покачал головой:

– Для меня об этом слишком рискованно говорить. Вас посетят люди из управления по борьбе с наркотиками или кто-то в этом роде. Не знаю, может быть, только местные. В деле кроется нечто большее, чем вы думаете. Или, может быть, вы сами это знаете. Но чур, я в этом не участвую.

– Не участвуете в чем?

Он встал и поспешно засунул свои бумаги обратно в пластиковый портфель.

– Не участвуете в чем? – вскочив, крикнула я ему вслед. – Вернитесь, Тед. Не участвуете в чем?

⁷ D.O.A. – сокр. от «dead on arrival» (англ.), доставлен мертвым.

Тед вернулся через несколько дней и выглядел еще более сонным. Он продолжал тереть глаза и зевать мне в лицо.

– Итак, – сказал он, – Даная и Мара наконец-то сломались.

– Они были убиты горем, каждая по-своему, – заметила я.

– Нет, сломались не в том смысле. Я имею в виду, что они заговорили.

– Это здорово! Они должны пережить свою потерю. Хорошо, что теперь они есть друг у друга.

– Я начинаю думать, что вы действительно ничего не знаете.

– Не знаю о чем? О том, что у него была передозировка? Я знаю.

– Дело не только в этом. Вас допрашивали.

– Да, но я не виновата.

– Туки, – произнес он очень мягко, – вы перевезли человеческое тело с подмышками, полными крэка, из Висконсина в Миннесоту, то есть за пределы штата.

– Но послушайте, коренные жители не признают границ штатов. И зачем мне было проверять его подмышки?

– Даная и Мара уже договорились и заключили сделку. Дело в том, что они клянутся, будто перевозка наркотиков в подмышках – ваша идея, а деньги, которые вы приняли, – ваша доля в будущей прибыли. Туки, мне очень жаль.

– Они хотят сказать, будто я обналичила чек, выданный в счет будущей прибыли от продажи наркотиков? Как думаете, насколько глупо я выгляжу?

Меня расстроило, что Тед не ответил.

– О, ради бога, Тед, никто меня не слушает! Я понятия не имела!

– Все вас слушают. Просто вы говорите то, что говорят все. Слова «я понятия не имела» слишком часто используются в качестве аргумента защиты.

* * *

Потом наступил период, подобный пустым страницам в дневнике. Я не могу сказать, что произошло за это время. Затем меня притащили на допрос. На нем-то из меня и выудили доказательства, которые упрятали меня в тюрьму. Моим камнем преткновения стала клейкая лента. На этот раз меня допрашивали мужчина со стальными глазами и неестественно темным загаром и стройная женщина с безгубой улыбкой.

– Ваши подруги говорят, что вы были вдохновительницей этой идеи.

– Какой?

– Транспортировка крэка, приклеенного к мертвому телу. Чем вы обесчестили этого беднягу. Вы довезли его до места, где жила ваша маленькая белокурая подруга. Она заплатила вам за доставку. Дала вам долю от последующих продаж.

Потом сняла контрабанду и позвонила в похоронное бюро, чтобы оттуда приехали и забрали Баджи.

– Крэк? Там ничего такого не было. Я увезла тело Баджи для Данаи. Она была влюблена в Баджи. У них была благо-словенная любовь, предопределенная богами, понимаете, и она хотела, чтобы он был с ней. Какого черта, я ничего не знаю.

– Там были крэк и клейкая лента.

Клейкая лента. Кичливая всезнайка, я не нашла ничего лучшего, как спросить, была ли это серая клейкая лента. До-прашивающие отличались развязностью и цинизмом школь-ных футбольных тренеров. Они посмотрели друг на друга с бесстрастным, как у игроков в покер, выражением лица, а затем мужчина многозначительно изогнул бровь.

– Что? – не поняла я.

– Вы спросили о клейкой ленте.

Я сказала им, что не знаю, как реагировать на получен-ную информацию. Поэтому и задала иррелевантный вопрос. Это означает «не имеющий отношения к делу», если вы не поняли.

Мне возразили, что вопрос был не ирреверентным, а вполне уважительным.

– Я сказала *иррелевантный*.

– Как скажете. Можете догадаться почему?

– Может, лента была не серая?

– А какая?

– Понятия не имею.

– Вы уверены?

– А зачем еще мне спрашивать?

– Это очень странный вопрос.

– Не думаю. На мой взгляд, интересоваться – это нормально. Сейчас делают клейкую ленту разных цветов.

Снова многозначительно изогнутая бровь.

– Разных цветов, – повторил мужчина.

А потом задал вопрос, который привел меня в ужас:

– Если бы вам пришлось выбирать, какой цвет вы бы выбрали?

– Не знаю. Внезапно у меня во рту пересохло, – проговорила я. – Нельзя ли мне выпить воды?

– Конечно, конечно. Как только вы ответите на вопрос.

Я пробыла в той комнате очень долго. Они вышли и вернулись, но не для того, чтобы дать мне воды. У меня начались галлюцинации. Мне казалось, будто язык стал таким толстым, что я не могла полностью закрыть рот. На моих губах появилась отвратительная коричневая корка. Женщина держала в руке картонный стаканчик с водой. Она вылила передо мной немного воды, и все во мне устремилось к ней.

– Вы запомнили цвет ленты?

У меня было время все обдумать. Что, если я выберу какой-то определенный цвет и угадаю? И я решила выбрать все цвета сразу. Да. Таким образом, я не ошибусь.

– Это были все цвета, – объявила я.

Они кивнули, одарили меня острыми одобрительными взглядами и вместе сказали: «*Бинго*».

Кто вообще мог подумать, что клейкую ленту делают радужной? И почему ни с того ни с сего Мара использовала именно ее, чтобы приклеить крэк к подмышкам Баджи?

В тот день, когда судья Рагник приговорил меня к шестидесяти годам заключения, все в зале суда оцепенели от ужаса, но что касается меня, то я не могла стереть с лица озадаченного выражения. Оно у меня было такое же, как у Баджи. Однако многие в зале суда не удивились. Приговоры по федеральным делам всегда суровы. А наличие кокаиновой темы раздувало важность процесса до сумасшедших размеров. И наконец, у судьи была свобода действий – кража Баджи былаотягчающим обстоятельством, и этот служитель закона был искренне потрясен тем, что я сделала. Он говорил о святости и неприкосновенности мертвых, о том, насколько они беспомощны в руках живых. Как его решение по данному делу может создать прецедент. Всплыл мой нелепый контракт с Данаей – черт бы побрал мою умную задницу. А кроме того, позвольте привести статистику. Нечего говорить, что она не в мою пользу. Так вот, среди коренных американцев процент тех, кто сидит за решеткой, самый высокий по сравнению с другими народами. Я люблю статистику. Она наглядно демонстрирует, что происходит с такой крошечной частью человечества, как я, в мировом масшта-

бе. Например, только в Миннесоте заключено в тюрьму в три раза больше женщин, чем во всей Канаде, не говоря уже о Европе. Есть и другие статистические данные. Я даже не могу в них влезть. Вот уже много лет я спрашиваю себя, почему мы находимся на самом дне или на худшем уровне из всего, что поддается сравнению. Потому что я знаю: у нас как у народа есть величие. Но возможно, оно заключается в том, что не поддается измерению. Может быть, мы и были колонизованы, но недостаточно. Не обращайте внимания на казино или мое собственное поведение, большинство из нас не зарабатывают деньги на своей судьбе. Мы недостаточно колонизованы, чтобы стереть любовь предков. А еще мы недостаточно колонизованы, чтобы приспособиться к мышлению на доминирующем языке. Несмотря на то что большинство из нас не говорит на родном языке, многие из нас действуют, руководствуясь унаследованным от предков чувством этого языка. Присущей ему щедростью. В нашем анишинаабемовине⁸ присутствуют сложные формы человеческих отношений и бесконечные шутки. Так что, пожалуй, мы обитаем на изнанке английского языка. Думаю, это возможно.

И все-таки подноготная одного английского слова облегчила мое отчаяние. В тюрьме временного содержания, где я сидела в ожидании приговора, мой словарь просветили рент-

⁸ Анишинаабемовин — язык индейцев оджибве, известен также как оджибемовин и широко используется по сей день; принадлежит к алгонкинской языковой семье.

геном, оторвали обложку, поковырялись в прошивке, перелистали страницы. В конечном счете мне пообещали разрешить им пользоваться за хорошее поведение, на что я немедленно согласилась. Плохое поведение испарилось, когда приговор был оглашен. По крайней мере, настолько, насколько я могла себя контролировать. Случалось, что порой я срывалась. Я была Туки⁹, хотя иногда излишне. К лучшему это или к худшему, но факт оставался фактом.

Словарь, попавший мне в руки, был «*Словарем английского языка “Американское наследие”*», изданным в 1969 году. Джеки Кеттл прислала мне его вместе с письмом, где сообщила, что Национальная футбольная лига подарила ей этот словарь в качестве приза за эссе, которое она написала о причинах поступления в колледж. Она взяла этот словарь в колледж, а теперь доверяла его мне.

Срок *сущ.* 1. Ограниченный или установленный период времени, в течение которого что-то должно длиться, например, школьное или судебное заседание, пребывание на государственной должности или тюремное заключение. Пример: *Срок вышел, вы свободны!*

Впервые прочитав это определение, я поразилась примеру, выделенному курсивом. Это не просто предложение, подумала я. *Срок вышел, вы свободны.* Это самое красивое

⁹ Человек, вызывающий раздражение (сленг).

предложение из когда-либо написанных.

* * *

Я провела в ветхой, разрушающейся тюрьме восемь месяцев, потому что другие были переполнены. В Миннесоте было слишком много женщин, сделавших, как любили говорить приходившие ко мне психотерапевты, неправильный выбор. Поэтому мне не нашлось места в женской тюрьме Шакопи, которая в то время даже не была окружена настоящим забором. Я хотела, чтобы меня отправили туда. Но как бы то ни было, я сидела за федеральное преступление. Васака, ныне федеральная женская тюрьма общего режима, находящаяся в южной Миннесоте, еще не начала принимать заключенных. Поэтому меня перевели из Тиф-Ривер-Фоллз в местечко за пределами штата, которое я назову Роквилл.

Именно перевод туда привел к дальнейшим неприятностям. Перевод обычно организуют ночью. Я обнаружила, что единственные случаи, когда меня будили в тюрьме, приходились на те редкие минуты, когда мне снился по-настоящему хороший сон. Однажды ночью, все еще находясь в тюрьме, я как раз собиралась откусить огромный кусок шоколадного торта, когда меня буквально вырвали из сна. Мне велели надеть бумажные рубашку и брюки, а затем шаркать к автобусу-фургону в картонных тапочках. Все заключенные женщины были закованы в кандалы, и каждая из них сидела в

отдельной секции. Когда я увидела, что мне предстоит войти в эту крошечную клетку, я упала в обморок. В то время у меня была смертельная клаустрофобия. Я слышала о святой Лучии¹⁰, которую Бог сделал такой тяжелой, что ее нельзя было поднять. Я попыталась сделать себя такой же тяжелой, а также внушить этим транспортным гунам¹¹, что страдаю клаустрофобией. Я умоляла, как помешанная, и они обращались со мной соответственно. Двое мужчин потели, напрягались, били, толкали и затаскивали меня в клетку. Наконец им это удалось. Потом Баджи вошел в нее вместе со мной, дверь закрылась, и я начала кричать.

Я слышала, как они говорили о том, чтобы вколоть мне дозу снотворного. Я начала умолять их об этом. Но поблизости не оказалось медсестры, чтобы сделать укол посреди ночи. Мы тронулись с места, и дела пошли еще хуже. Баджи злорадствовал, звездный шарф, завязанный узлом на макушке, все еще поддерживал его челюсть. Другие женщины ругались на меня, а парни из службы безопасности орали на всех нас. По мере того как мы катили вперед, дела становились все хуже. Как только адреналин, выработавшийся в результате панической атаки, попадает в организм, вы уже не можете остановиться. Мне рассказывали, будто интенсивность

¹⁰ Лучия Сиракузская (в православной традиции Лукия Сиракузская, также известна как святая Лучия; ок. 283 – ок. 303) – раннехристианская святая и мученица.

¹¹ Гун – прозвище, данное английскими и американскими заключенными во время Второй мировой войны тюремным надсмотрщикам.

панической атаки означает, что она не может длиться вечно, но вот что я вам скажу: она может тянуться часами, как это было, когда Баджи начал шипеть на меня сквозь гнилые зубы. Не помню, что я делала в те часы, но, по-видимому, я решила покончить с собой, разодрав то, что могла из бумажной одежды, скомкав кусочки штанин и рукавов, набив ими нос и рот. По словам очевидцев, когда я замолчала, все испытали такое облегчение, что никто не захотел проверить мое состояние. Так что я могла умереть от кусков бумаги, если бы у одного полицейского вдруг не проснулась совесть. Если бы на той бумаге имелись слова, стала бы моя смерть стихотворением? Времени обдумать этот вопрос у меня было предостаточно.

Как только я очутилась в тюрьме, меня заключили на год в изолятор. Из-за моей попытки удавиться бумагой мне не разрешили читать книги. Однако я вдруг обнаружила, что у меня в голове есть целая библиотека, о существовании которой я сама прежде не подозревала. Там были все книги, которые я прочла, от начальной школы до колледжа, плюс те, которыми я была одержима позже. В моих извилинах хранились длинные сцены и отрывки – все, от *«Рэдволла»* до *«Гекка Финна»* и *«Выводка Лилит»*¹². Так прошел год, в течение

¹² «Рэдволл» – серия детских фантастических романов британского писателя Брайана Жака, опубликованных с 1986 по 2011 год. «Выводок Лилит» – сборник из трех произведений Октавии Э. Батлер. Три тома этой научно-фантастической серии («Рассвет», «Обряды взросления» и «Имаго») были собраны в томе «Ксе-

которого я каким-то образом не сошла с ума, потом миновала еще пара лет, прежде чем меня перевели в новую тюрьму. На этот раз, по дороге в Васеку, я была опять закована в кандалы, но не заперта в тесной клетушке. Как бы то ни было, время, проведенное в Роквилле, излечило меня от клаустрофобии. Я отсидела семь лет в Васеке, а потом однажды меня вызвали в кабинет начальника тюрьмы. К тому времени мой настрой резко изменился. Я держала голову опущенной. Училась в колледже по программе дистанционного образования. Выполняла порученную работу. Так что же, черт возьми, я натворила? Я вошла в кабинет, ожидая какой-нибудь катастрофы, но услышала только два предложения, от которых у меня остановилось сердце: *Время вашего пребывания здесь закончилось. Ваш приговор заменен.*

Затем наступила тишина, похожая на раскат грома. Приговор заменен отбытым сроком. Мне пришлось сесть на пол. Я выйду, как только закончат с формальностями. Я не задавала вопросов на случай, если окажется, что они выпускают не того человека. Но позже я узнала, что совершенно недооценила Теда Джонсона. Он не сдавался. Да, он каждый год заставлял меня просить о помиловании, я это знала. Но не думала, что это к чему-нибудь приведет. Он подавал апелляцию за апелляцией. Он передал мое дело группе в университете Миннесоты. Я привлекла внимание из-за экстремаль-

ных взглядов Баджи и судьи. Тед Джонсон также получил признания от Данаи и Мары, которые теперь, отбыв свои короткие сроки, не видели смысла упорствовать и признали, что меня подставили. Он рассказывал о моей истории везде, где только мог.

Я написала Теду Джонсону, поблагодарив его за то, что он дал мне шанс на свободную жизнь. Мое письмо не дошло до него, потому что он был теперь в мире, где нет адресов. Он умер от обширного инфаркта.

В ту ночь, когда я узнала, что выхожу на свободу, я не смогла уснуть. Хотя я мечтала об этом моменте, реальность наполнила меня смесью ужаса и эйфории. Я поблагодарила своего крошечного бога.

Когда я находилась в изоляторе и сидела на кровати в состоянии полного беспамятства, меня посетил крошечный дух. В языке оджибве есть слово «манидунс» – насекомое и крошечный дух. Однажды мне на запястье села переливающаяся зеленая муха. Я не двигалась, просто смотрела, как та поглаживает похожее на драгоценный камень брюшко лапками-ресницами. Позже я узнала ее название. Это была всего лишь зеленая мясная муха, *Луцилия сериката*. Но в то время она была эмиссаром всего, что, как я думала, никогда больше не будет моим – обычной и в то же время необыкновенной красоты, экстаза, удивления. На следующее утро она исчезла. Улетела обратно на мусорную кучу или на чей-то труп, подумала я. Но нет. Она размазалась по моей ладони.

Я прихлопнула ее во сне. Я облажалась. Конечно, я потеряла всякое чувство иронии, потому что жила в мире жестких клише. Но в полной отчаяния рутине любое отклонение от нее – это сияющий сигнал. В течение нескольких недель после того случая я горячо верила, что этот маленький дух был знаком того, что я когда-нибудь выйду на свободу. И вот я убила его.

И все же боги смиростивились.

Я вышла за тюремные ворота в комбинезоне с рисунком подсолнуха, белой футболке и мужских рабочих ботинках. Словарь все еще был при мне. Меня приютила социальная гостиница, пока в конце концов я не нашла себе скромное жилье.

В период с 2005 по 2015 год телефоны эволюционировали. Первое, что я заметила, – люди теперь ходили, уставившись в светящийся прямоугольник. Я тоже хотела заполучить такой. Но для этого мне требовалось устроиться на работу. Хотя теперь я могла управляться с промышленной швейной машиной и печатным станком, самым важным навыком, который я приобрела в тюрьме, было умение читать с убийственным вниманием. Тюремные библиотеки были завалены пособиями по любому ремеслу. Сначала я читала все, даже инструкции по вязанию. Время от времени случались неожиданные поступления пожертвованных томов. Я прочитала все «Великие книги мира», все произведения Филиппы Грегори и Луи Ламура. А еще Джеки Кеттл каждый

месяц добросовестно присылала новую книгу. Но я мечтала выбрать книгу в обычной библиотеке или купить ее в книжном магазине. Я разнесла свое так называемое резюме, лживое насквозь, по всем книжным магазинам Миннеаполиса. Ответил только один, потому что Джеки теперь там работала закупщицей и менеджером.

Ее скромный магазинчик располагался в приятном районе, напротив кирпичного здания школы. За его бронированной синей дверью находилось пахнущее душистыми травами пространство площадью около восьмисот квадратных футов, заставленное стеллажами, наполненными книгами, между которыми стояли разделители: «Художественная литература коренных народов», «История коренных народов», «Поэзия коренных народов», «Языки коренных народов», «Мемуары» – и так далее. Я поняла, что мы куда более гениальны, чем мне казалось. Владелица сидела в находящемся на задворках магазина узком кабинете с высокими окнами, сквозь которые проникали лучи мягкого света. На Луизе были винтажные овальные очки, а в волосах виднелась заколка, украшенная бисером. Я знала ее только по ранним фотографиям на обложках ее книг. С возрастом лицо и нос стали чуть шире, щеки более округлыми, в волосах появилась седина. И вообще прожитые годы, казалось, сделали ее терпимей к чужим мнениям, которые ей не нравятся или с которыми она не согласна. Владелица магазина призналась, что он убыточен.

– Я могла бы помочь, – ответила я.

– Как?

– Продавая книги.

У меня в ту пору был самый устрашающий вид, и я говорила с полной уверенностью, основанной на опыте давних продаж. Сбросив комбинезон с подсолнухом, я создала великолепно-брутальный образ – густая черная подводка для глаз, кровоточивая рана губной помады, руки тяжелоатлета и широкие бедра. Мой повседневный наряд состоял из черных джинсов, черных кроссовок с высокими берцами, черной футболки, кольца в носу, пирсинга на брови, обтягивающей черной банданы, удерживающей волосы. Кто бы осмелился не купить у меня книгу? Луиза все это восприняла и кивнула. У нее в руках было мое резюме, но она не задала мне ни единого вопроса.

– Что вы читаете сейчас?

– *«Альманах мертвых»*¹³. Это шедевр.

– Так и есть. Что еще?

– Комиксы. Графические романы. Э-э, Пруста?

Она скептически кивнула и словно просканировала меня взглядом.

– Сейчас мрачное время для маленьких книжных магазинов, и мы, вероятно, закроемся, – проговорила она. – Вы хотите получить работу?

¹³ *«Альманах мертвых»* – роман Лесли Мармона Силко, впервые опубликованный в 1991 году.

Я начала с вечерней смены и постепенно добавляла часы. Я снова подружилась с Джеки Кеттл. Та прочитала все, когда-либо написанное, и научила меня продавать книги. У прежней Туки имелись свои представления о возможностях розничной торговли. Но я устояла перед искушением заимствовать деньги из кассы, узнавать информацию о кредитных картах и присваивать товары, продаваемые в дополнение к основному ассортименту, даже клевые украшения. Иногда мне приходилось кусать пальцы. Со временем сопротивление вошло в привычку, и желание грешить уменьшилось. Я добилась повышения зарплаты, потом еще одного. У нас всегда были льготы, в том числе книги со скидкой и издания для продвинутых читателей. Я жила по дешевке. Разглядывала витрины магазинов, вместо того чтобы тратить в них деньги. Бродила. После работы ездила на автобусе туда-сюда, останавливалась, где хотела, и снова трогалась в путь, объездив Города¹⁴ вдоль и поперек. Все изменилось там с тех пор, как я была ребенком. Мне казалось захватывающим ехать по улицам, не имея ни малейшего представления о том, куда направляюсь, и попадать в районы, населенные удивительными людьми. Женщины в развевающихся одеждах цвета фуксии и в фиолетовых головных платках бродили по тротуарам. Я

¹⁴ Миннеаполис и Сент-Пол принято называть просто «Города», поскольку они образуют единый конгломерат, расположившись практически друг напротив друга на противоположных берегах реки Миссисипи.

видела представителей народности мяо¹⁵, эритрейцев, мексиканцев, вьетнамцев, эквадорцев, сомалийцев, лаосцев. А также отрядное множество чернокожих и моих соплеменников – коренных американцев. Вывески магазинов на разных языках, начертанные плавным шрифтом, а затем особняк за особняком – нарядные, ветшающие, пришедшие в упадок, с запертыми воротами под парящим пологом деревьев. Затем шли заброшенные районы – железнодорожные станции, акры асфальтированных площадок, мрачные торговые центры. Иногда я замечала крошечный ресторанчик, который мне нравился, тогда я слезала на следующей остановке, заходила внутрь и заказывала суп. Я устроила для себя настоящую дегустацию супов мира. Самбар. Менудо. Эгуси с фуфу. Ахиако. Борщ. Баварский суп с печеночными кнедлями. Гаспачо. Том ям. Солянка. Несселсоппа. Гамбо. Гамджагук. Мисо. Фо га. Самгъетанг. Авголемоно. Я вела в дневнике список супов, где рядом с каждым названием писала цену. Все они были удовлетворительно дешевыми и очень сытными. Однажды в кафе я слышала, как сидевшие рядом со мной мужчины заказывали суп из бычьего пениса. Я тоже попыталась заказать его у официанта, но тот грустно посмотрел на меня и сказал, что они готовят только один пенис в неделю, и суп быстро заканчивается.

– Им он достался, – уныло произнесла я, указывая на стол,

¹⁵ Мяо (мео) или хмонги – группа народов в южном Китае, северном Вьетнаме, Лаосе, Таиланде и Мьянме общей численностью около 11 млн человек.

за которым сидели несколько щуплых, но в то же время пузатых мужчин.

– Им это блюдо нужно, – заметил официант вполголоса. – Оно полезно при похмелье и сами знаете для чего. – Он согнул руку в локте и сжал пальцы в кулак.

– Ах, это.

– Их посылают сюда жены.

Он подмигнул. Но вместо того чтобы подмигнуть в ответ, я одарила его убийственным взглядом. Я хотела, чтобы у него подкосились колени. Этого не произошло, но бесплатный суп был превосходным.

Однажды я вышла у кафе «Трудные времена» и по дороге к нему остановилась у разместившихся прямо на тротуаре рядов, торговавших всякой всячиной на Сидар-авеню в миннеаполисском районе Риверсайд. В глубине предназначенных для альпинистов Среднего Запада рядов был огорожен цепочкой участок, заставленный байдарками и каноэ. Они были ярко-голубыми – такими голубыми, что едва не светились – и еще счастливо-красными, с желтыми бирками. Когда я шла к заднему входу, чтобы поискать там уцененную парку, выставленную на продажу в августе, почувствовала на себе чей-то взгляд и обернулась.

Эти широкие плечи. Квадратная голова. Он выделялся на фоне стайки пастельных лодок с мотором. Его ноги стали стройнее, и на нем была пара светящихся белых кроссовок. Он казался черным силуэтом на фоне солнца, светившего

из-за его спины. Искривленной, израненной тенью, каковой был с давних времен, еще до бокса и работы племенным копом. Он вышел на свет и вспыхнул в солнечных лучах. Простодушный, глупо улыбающийся, домашний. Поллукс обнял меня, как большого ребенка, и отступил. Он прищурился и со странной силой уставился на меня.

– Ты на воле?

– Давай просто скажем, что я не в тюрьме.

– В бегах?

– Нет.

– Тогда скажи это.

– Что именно? Как поживает моя индейская совесть?

– Нет, другое.

– Тогда что?

– Скажи, что выйдешь за меня замуж.

– А ты возьмешь меня в жены?

– Да.

Срок вышел, вы свободны!

Теперь я живу своей жизнью, как обычная женщина. Работа с фиксированными часами, после которой прихожу домой к обычному мужу. У меня даже есть обычный маленький домик с большим, хотя и нестандартным, двором, красивым, но запущенным. Я живу так, как живет человек, который перестал бояться ежедневного хода времени. Я живу

тем, что можно назвать нормальной жизнью, только если вы всегда ожидали именно такой жизни. Только если вы считаете, что имеете на нее право. Работа. Любовь. Еда. Спальня, перед окном которой растет сосна. Секс и вино. Зная то, что знаю об истории моего племени, помня то, что могу вынести, вспоминая о своей собственной, я могу назвать ту жизнь, которой живу сейчас, жизнью поистине райской.

С тех пор как я поняла, что эта жизнь должна быть моей, я хотела только одного – чтобы ее драгоценная рутина длилась вечно. Так оно и было. Несмотря ни на что. Однако порядок ведет к беспорядку. Хаос крадется по пятам наших слабых усилий. Нужно всегда быть начеку.

Я усердно работала, наводила порядок, подавляла внутреннюю тревогу, оставалась спокойной. И все же беда нашла мой дом и выследила меня. В ноябре 2019 года смерть забрала одну из моих самых докучливых клиенток. Но та не исчезла.

История женщины

Ноябрь 2019 года

Прошло пять дней после смерти Флоры, но она по-прежнему приходила в наш книжный магазин. Обычно я не слишком рациональна. С чего бы мне отличаться таким качеством? Я всего лишь продаю книги. Тем не менее мне было трудно принять этот факт. Флора приходила, когда магазин был пуст, всегда в мою смену. Она знала часы, когда в книжной торговле царит затишье. В первый раз, когда это случилось, я только что узнала печальную новость о ее кончине, и меня было легко сбить с толку. Я услышала, как она что-то бормочет, а затем шуршит по другую сторону высоких книжных полок в разделе художественной литературы, ее любимом. Нуждаясь в помощи кого-то, обладающего здравым смыслом, я взяла телефон, чтобы написать Поллуксу, но что я могла ему сообщить? Я положила телефон, глубоко вздохнула и громким голосом обратилась к пустому магазину.

– Флора?

Послышалось скользящее шарканье. Это была ее тихая, легкая походка. Одежда, которую она носила, всегда издавала легкий шум – шелковые или нейлоновые жакеты, сте-

ганные в это время года. Раздавалось едва уловимое позвякивание сережек в дважды проколотых мочках и приглушенное позвякивание множества замысловатых браслетов. Каким-то образом эти знакомые звуки успокоили меня настолько, что я смогла продолжить работу. Я не запаниковала, хорошо зная, что не виновата в ее смерти. У нее не было причин сердиться на меня. Но я больше с ней не заговаривала и с несчастным видом работала за прилавком, пока ее дух просматривал книги.

* * *

Флора умерла второго ноября, в день поминовения усопших, когда ткань между мирами тонка, словно паутина, и легко рвется. С тех пор ее призрак приходил в магазин каждое утро. Когда умирает постоянный покупатель, это и без того выбивает из колеи, но упрямое нежелание Флоры исчезнуть начало меня раздражать. Хотя это и так понятно. Она бродила по магазину. Флора была преданной читательницей, страстной коллекционеркой книг. Наша специализация – книги на родном языке, и они, конечно, интересовали ее в первую очередь. Но вот досада: она была охотницей – выискивала все, что касалось индейцев. Может быть, охотница – это слишком сильное слово. Давайте лучше назовем ее очень настойчивой фанаткой.

Этого слова нет в моем старом словаре. В те времена это

был сленг, но, похоже, в середине семидесятых оно вошло в разговорную речь. Первоначально оно означало «*спортивный болельщик*», и в этом значении я слышала его много раз. Но потом слово стало означать «*человек, чрезмерно увлекающийся чем-либо*» и даже породило глагол, как, например, в предложении «*Я фанатею от всего индейского*». Обычно так говорит тот, кто хочет, чтобы вы знали: в детстве он спал в типи, сделанном из одеял, сражался с ковбоями, привязывал сестру к дереву и так далее. Человек гордится тем, что отождествил себя с аутсайдером, и хочет получить какую-то похвалу от настоящего коренного жителя. В эти моменты я киваю и пытаюсь продать такому человеку какую-нибудь книгу, хотя люди, которые рассказывают подобные истории, редко покупают что-то. Но я все равно сую им в руки книгу Пола Чаата Смита¹⁶ «*Все, что вы знаете об индейцах, не соответствует истине*». Фанаты. В своем наиболее пылком проявлении это раздражающее свойство «*я фанатею от всего индейского*» становится своего рода расстройством личности. Оно превращается в описательное существительное, если увлечение сохраняется и во взрослой жизни. Со временем Флора погрузилась именно в эту ревностную, необъяснимую, упорную, уничтожающую личность манию.

Флора говорила людям, что в прошлой жизни была ин-

¹⁶ Пол Чаат Смит (команч) — автор и младший куратор Национального музея американских индейцев. Он часто пишет и читает лекции об искусстве и политике американских индейцев.

дианкой. Во всяком случае, поначалу она гнула эту линию. Никакие аргументы не могли ее разубедить или сбить с этой мысли. Позже, осознав факт, что «индианка в прошлой жизни» становится комичным клише, она сменила пластинку. Флора вдруг обнаружила размытый снимок прабабушки и показала мне эту фотографию с застывшей на ней мрачной женщиной в шали.

Женщина на фотографии выглядела как индианка, а может, просто была в плохом настроении.

– Моя прабабушка стыдилась того, что она индианка. Она никогда об этом не говорила, – заявила Флора.

Эта стыдливая бабушка была еще одним распространенным способом идентификации. Я спросила о ее племенной принадлежности, и Флора ответила туманно. Оджибве¹⁷, дакота или хо-чанк¹⁸, она все еще занимается исследованием этого вопроса. Я была почти уверена, что Флора вытащила фотографию из мусорного бака, хотя она настаивала на том, что ее ей подарили, изменив затем это утверждение на «передали по наследству». Я подумывала над тем, чтобы усо-

¹⁷ Оджибве, иначе оджибва или чиппева (самоназвание анишинаабе) – индейский народ алгонкинской языковой семьи. Расселен в резервациях в США, в штатах Мичиган, Висконсин, Миннесота, Северная Дакота, Монтана и в Канаде. Дакота – название группы племен американских индейцев и их языка/языков (сиуанской семьи).

¹⁸ Хо-чанк (виннебаго) – индейский народ группы сиу, в доконтактный период обитавший на территории современного штата Висконсин, США, около озера Мичиган (в районе залива Грин-бэй). В настоящее время обитают на территории штатов Висконсин и Небраска (резервация Уиннебейго).

мниться и в такой версии, но в течение долгого времени Флора не давала повода усомниться в своей честности. Она во- зилась с убегающими из дома индейскими подростками, со- бирала деньги для приюта для индейских женщин, работала в общине. Ну и что с того, что ей нужна была, пусть и фаль- шивая, связь с племенем? Она появлялась на каждом пау- вау¹⁹, митинге или собрании. Она появлялась на пороге сво- их любимых индейцев без предупреждения. Дело в том, что у нее всегда был припасен для них подарок – книга, конеч- но, или пакет с выпечкой, кофеварка, которую она купила на дворовой распродаже, ленты, материя. Кроме того, она бы- ла милой, добродушной – не просто дружелюбной, но и все- гда готовой помочь. Я имею в виду, что она была готова по- стирать вашу одежду, если понадобится. Почему ее умение быть полезной так меня задевало? Она покупала еду, ссужа- ла деньги, помогала шить одеяла для церемоний. И у нее все- гда имелись билеты на предварительные просмотры филь- мов, новые спектакли, встречи с артистами – обычно все это имело отношение к индейцам. На каждом мероприятии она оставалась до победного конца. Всегда. По крайней мере, до меня доходили такие слухи. Уходила последней.

Вот и в смерти она оставалась такой же, как в жизни. Не понимала намеки.

¹⁹ Пау-вау – собрание североамериканских индейцев, специфическое меро- приятие, на котором современные жители США и коренное население собираются танцевать, петь, общаться, обсуждать индейскую культуру.

Однажды утром в магазине я потеряла терпение и сказала незваной гостье то, чего, по всей видимости, ей при жизни никто никогда не говорил, – что она загостилась. Я обратилась к воздуху. Пора уходить! Она затихла. Затем ее шаги зазвучали снова, скользкие и вкрадчивые. Создалось ощущение скрытого негодования. Мне было трудно дышать, и я немного боялась, как бы Флора не материализовалась прямо передо мной. Она была поразительной женщиной – лет шестидесяти с небольшим, комфортно чувствовавшей себя в своем теле. У нее было широкое лицо с яркими и крупными чертами. Прямой нос, выступающие скулы, розовая полоска губ. Седящие светлые волосы были собраны в неряшливую прическу. Флора была хорошенькой женщиной, привыкшей к тому, что на нее пялятся, и не способной расстаться с подобным к себе вниманием. Ее расположения добивались многие индейские мужчины, но почему-то она так и не вышла замуж. Флора любила участвовать в пау-вау и даже сшила себе индейский танцевальный наряд из оленьей кожи, украшенный пурпурным бисером. У нее было много знакомых, которые верили в подлинность бабушкиной фотографии или потакали ее мании, потому что Флора была им полезна. Она радостно улыбалась, покачиваясь в кругу танцующих.

У Флоры была приемная дочь, которую она неофициально удочерила в подростковом возрасте – Катери, названную

в честь Лилии Мохавков, Катери Текаквита²⁰. Святая Катери была канонизирована в 2012 году. Она единственная индейская святая в католической церкви. Современная же Катери приехала в Города как беглянка, и у нее все еще оставалась семья в Гранд-Портидж²¹. Около десяти лет назад ее появление стало главным событием в жизни Флоры. После окончания средней школы Катери поступила в колледж при университете Миннесоты. Сейчас она трудится над получением ученой степени, требующейся, чтобы занять должность учителя. Когда она позвонила, чтобы сообщить о смерти Флоры, я не стала задавать много вопросов, только справилась о похоронах. Катери сказала, что пышных похорон не планируется. Об отпевании она даст знать. Я уже начала задаваться вопросом, состоится ли эта церковная служба по Флоре, и надеялась, что достойное отпевание удовлетворит моего призрака и решит проблему.

Примерно через неделю после того, как она мне позвонила, Катери вошла в магазин. Я подумала, что она явилась, желая передать приглашение на поминки по матери, которые, как я ожидала, должны были состояться в Центре американских индейцев. (Я знаю, что Флора, если бы могла, принесла бы на них запеканку.) Катери – импозантная молодая жен-

²⁰ Екатерина (Катери) Текаквита (1656–1680) – святая Римско-католической церкви, дочь вождя мохавков.

²¹ Гранд-Портидж – резервация американских индейцев, расположенная в Миннесоте, населена оджибве.

щина. Атлетичная, немного агрессивная. Ее длинные волосы были очень коротко подстрижены – знак скорби у индейцев. Ее одежда была простой – легкая черная ветровка и джинсы. Никакой косметики, на помаду не было даже намека. Затуманенные глаза казались усталыми, лицо выглядело спокойным. Может быть, она уже воспитывала в себе терпение, готовясь к предстоящей работе. Катери станет учительницей средней школы, человеком, которого невозможно обмануть. Хотя мне кажется, что большинство людей полагает, будто ей не хватает теплоты, я нахожу ее холодность обнадеживающей. Она преданная делу профессионалка. У нее дисциплинированная манера себя держать и резкий голос. Если бы она была начальницей, я бы держалась от нее подальше. Я спросила себя, что бы ей можно было продать в сложившихся обстоятельствах. Но она уже держала в руках какую-то книгу.

– Я подумала, она должна быть у вас.

Она протянула мне книгу. Обширная библиотека Флоры включала редкие издания старинных книг, рукописи, книги по местной истории. Еще она любила покупать романы, изданные для продвинутых читателей, и мы иногда из любви разыскивали их для нее в интернете. Все книги, которые собирала, Флора оборачивала бумагой – кремовой, архивной, – чтобы защитить оригинальную обложку. На обложке стоял экслибрис – оттиск специального штампа Флоры. Она никогда не была сторонницей прозрачной защитной пластиковой пленки. Я много раз видела ее библиоте-

ку. Книжные полки цвета белой яичной скорлупы в ее белом доме в стиле навахо, заполненные белыми кремовыми книгами, украшенными почти невидимыми печатями, сводили меня с ума.

Катери объяснила:

– Мама умерла около пяти утра, в постели. Рядом с ней лежала вот эта раскрытая книга.

– Раскрытая!

– Она умерла мгновенно, – сказала Катери, подразумевая, что у Флоры не было времени воспользоваться закладкой. Катери добавила, что одну из наших закладок она нашла в покрывале на кровати. Дочь Флоры осторожно подняла книгу с постели, не закрывая ее, а потом заложила нашей синей закладкой, чтобы обозначить последнюю страницу, на которой остановился взгляд матери.

Я подумала, что порыв Катери отметить эти последние слова выглядел нездоровым. Однако, если кто и мог показаться нездоровым, так это я, страдающая от тревожных визитов из другого мира. Я поймала себя на том, что смотрю на Катери слишком пристально, и отвернулась. Катери не стала задерживаться. Ходили слухи, будто она переезжает в отделанный камнем коттедж матери на юге Миннеаполиса, и я понимала, что у нее много дел.

Оставшись одна, я стояла, держа книгу. Ее защитная обложка была слегка надорвана, но в остальном нетронута. Я остро ощутила присутствие ее владелицы. Обычно я накло-

нялась к Флоре через прилавок. В ее голосе зачастую звучала обманутая надежда. Несмотря на всю ее щедрость, люди редко делали ее счастливой. Но книгам это удавалось. Вот и сейчас я бессознательно наклонилась, когда услышала – я была в этом уверена – ее голос. Слова звучали неразборчиво, но голос принадлежал Флоре. Я была поражена и вскрикнула, а потом обрадовалась, что в магазине нет ни одного покупателя. Я откинулась назад, все еще держа книгу. Это был увесистый том, хорошо переплетенный, отличающийся приятным весом и теплом. У него был сухой, едва уловимый запах ухоженной старой бумаги. Я не открыла его. Меня смутила внезапная радость, которую я испытала, услышав голос Флоры, хотя ее живое присутствие так меня раздражало. Когда Флора не погружалась в исследования индийского фольклора, она предавалась литературе – в почти мистическом смысле. Жадная до нее и верная ей, Флора прочитывала литературные серии до конца. Она покупала книги своих любимых авторов в твердом переплете и придирчиво относилась к изданиям в мягкой обложке. Мы обменивались впечатлениями и много спорили. Я скучала по нашему общению. Я скучала по тому, как она следила за появлением новинок. Ее предварительные заказы были знаком того, что и мы должны увеличить наши собственные. Пару раз, когда Флора была нездорова, она просила нас доставить заказ к ней домой. Обычно книгу приносила именно я, и, если Флора была сама собой, а не находилась в состоянии одержимости чем-то индийским,

мы часто садились выпить чаю или пару бокалов вина. Мы беседовали. Ах как мы беседовали о книгах!

— Тебе не обязательно уходить, — прошептала я и добавила в порыве тоски: — *Токарчук, что ты о ней думаешь?*

Я поставила книгу Флоры высоко на полку, где мы демонстрируем корзины оджибве, и решила забрать домой в тот же вечер. Поскольку я одна ощущала присутствие Флоры, когда та приходила, я подумала, что, возможно, мне следует оставить книгу себе. Кроме того, она со мной говорила. Собственно, со мною одной. Я испытала на себе всю жуткость слуховых галлюцинаций. Кроме того, как выяснилось, темное время года обострило их. Деревья стояли голые. Духи оживали в их обнаженных ветвях. Ноябрь, по всей видимости, истончал завесу, разделяющую миры.

Книжный магазин: образ оборванки

Примерно через час после ухода Катери в магазин влетела одна из наших молодых сотрудниц, одетая в рваные черные брюки-палаццо и черную толстовку с капюшоном и логотипом нашего книжного магазина. Почти у всех, кто здесь работает, есть альтернативная жизнь, так вот Пенстемон Браун – художница и писательница. Ее синие без оправы очки испачканы отпечатками пальцев, а волосы собраны в роскошный пучок. Как всегда, на ней была завидная пара ботинок – черные, на шнуровке, с металлическим ярлыком «Ред Уинг». Большую часть времени она не замечает ничего. Порой замечает все. Сегодня она критически осмотрела книги на нашем большом прилавке. Пен – одна из массы молодых индианок, которые увлекаются книгами и ведут насыщенную читательскую жизнь. Она истинная индигерати²². Пен занимается книжным прозелитизмом, поддерживает стенд «Мы рекомендуем», тщательно принимает книги и следит за тем, чтобы наши витрины и прилавок притягивали взгляд покупателей. Друг нашего магазина соорудил широкий прилавок из поэтических останков разбитой парусной яхты, и Пен предъявляет высокие требования к книгам, которые на нем размещает.

²² Индигерати – так называют городских интеллектуальных коренных американцев Верхнего Среднего Запада.

– Почему бы нам не выставить книги Клариси Лиспектор? – спрашивает Пен.

– Ты влюбилась в ее глаза, помнишь? И себе взяла экземпляр.

– Там был еще один. Мы его продали. Но ты права. Я думаю, мой все еще в моем рюкзаке.

Пен начала работать здесь, потому что у нее развилась одержимость женщинами-авторами, живыми и мертвыми, и с мая по декабрь у нее был роман с рассказами Исак Динесен. Вначале она сказала мне, что намеревается сделать на груди татуировку в стиле горы Рашмор с изображением своих любимых авторов-женщин. Клариса, Октавия, Джой. Дальше она сомневалась, не в силах сделать выбор между Исак Динесен, Зиткала-Ша и Сьюзен Зонтаг. Я подумала, что это нелепая идея, и потому смутила ее, превознося Маргерит Дюрас. Выбрала бы она молодое лицо Дюрас из «Любовника» или ее сексуальное, но не пощаженное годами лицо? Наконец я сказала, что татуировка помешает ей в дальнейшем заниматься сексом. Кто захочет столкнуться в постели с пятью парами чужих глаз?

– Кто же собирается заниматься сексом с бабушками, разглядывающими твой *додушаг*, – крикнула Джеки из офиса.

– С чего ты взяла, что я занимаюсь сексом на спине? – спросила Пен.

– И подумай о том, что делает с грудью время, – добавила я чопорным голосом. – Когда тебе исполнится шестьдесят,

лица на татуировке будут выглядеть как на картине «Крик».

– Боже мой, – воскликнула Пен, – вы, тетушки, оставьте меня в покое!

Но она тоже смеялась.

На самом деле Пенстемон безнадежно романтична, глубоко привязана к традициям, и я беспокоюсь о ее нежном сердце. Недавно она отправилась в очередное таинственное духовное странствие. Или, может быть, снова влюбилась и держит это в секрете. Каждый раз, когда Пен влюбляется, она влюбляется очень сильно. Сегодня, судя по состоянию ее одежды, она побывала в мусорном баке. На толстовке виднелись меловые подтеки, на манжете – яркое пятно от кетчупа. Ее глаза, казалось, ввалились от недосыпа.

– Ты вчера вечером не пошла домой, или теперь это твой образ для работы в книжном магазине? – поинтересовалась я.

– Образ оборванки. – Она задрала ногу и посмотрела на манжеты драповых брюк. – Я встретила парня.

– Здесь? – спросила я.

Она кивнула и оглядела магазин, словно желая убедиться, что мы в нем одни.

– Он белый, – прошептала она.

– С ним еще что-нибудь не так?

Я была саркастична, но Пен восприняла мой вопрос всерьез. Она обожает мужчин с внешностью Иисуса Христа и наивными глазами лани.

– Он не любит острый перец, – сказала она и продолжила работать с серьезным, рассеянным видом. – Но у него борода и длинные каштановые волосы.

– Вот так...

В маленьких книжных магазинах царит романтика обреченных сокровенных пространств, которые вот-вот будут стерты с лица земли безжалостным капитализмом. Многие здесь влюбляются. У нас даже было сделано несколько предложений руки и сердца. Пенстемон побрела из торгового зала обратно в офис, чтобы забрать книги с автографами и расставить их на полках. Вошел посетитель, бросившийся к прилавку из останков яхты. Потоптавшись немного, человек спросил, не Луиза ли я. Я ни капельки не похожа на Луизу. Она намного меня старше. Но каждой женщине и даже некоторым парням, которые здесь работают, задают этот вопрос. Я дала стандартный ответ, который обычно является правдой:

– Вы только что с ней разминулись.

– Ну что ж, я здесь из-за Кларис Лиспектор, – продолжил посетитель. – Я мог бы купить ее книгу на «Амазоне», но сказал себе... хотя живу за много миль отсюда, на другой стороне Сент-Пола... сказал себе, что мне следует поддерживать маленькие независимые книжные магазины. Итак, я проделал неблизкий путь, и, знаете ли, у меня на это ушел час, потому что шоссе I-94 снова перешло на движение по одной полосе.

– Минутку, – сказала я гордому своим поступком клиенту, которому тем не менее была благодарна. – Эта книга, вероятно, есть у нас на складе.

Я вошла в офис и нарушила уединение Пен, которая виновато вздрогнула. Она читала книгу Лиспектор.

– Надеюсь, ты не заламывала корешок?

– Конечно, нет. Нет, нет. Я ее только что открыла.

Пен осмотрела книгу.

– Она в идеальном состоянии. Послушай-ка вот это. *«Из всей жизни, клянусь Богом, иногда единственное, что спасает человека, это ошибка, и я знаю, что мы не будем спасены до тех пор, пока наша ошибка не станет для нас бесценной».*

Моя ошибка. Моя бесценная ошибка. Поразмыслию об этой цитате позже.

– Это из рассказа «Минейриньо». Спор автора с самой собой о справедливости. Потрясающая вещь!

– В зале ждет посетитель, который приехал сюда из Сент-Пола и хочет купить эту книгу.

– Давай дадим ему скидку, поскольку я книгу открывала и все такое. Можно, я принесу ее сама?

Ничто не делает Пенстемон счастливее, чем возможность вручить любимую книгу тому, кто хочет ее прочитать. Я такая же. Пожалуй, можно сказать, что мы испытываем от этого восхищение, хотя слово «восхищение» я использую редко. «Восторг» кажется мне несущественным, «счастье» – более обоснованным, «экстаз» – это то, к чему я стремлюсь, но

«удовлетворение» достичь труднее всего.

Клиенты

Впервые начав продавать книги, я была жестокосерда. Я возмущалась теми, кто приходил в магазин, мешая моему общению со стоящими на полках книгами. Но люди, которые любят книги, смягчили меня. Обычно тех, кто приходит в книжный магазин, зовут клиентами, но я вкладываю в это слово нечто большее. Когда вы рекомендуете книгу и клиент ее покупает, он рискует, доверяясь вам. Доверие людей заставляет меня нервничать. Я могу слишком громко рассмеяться или неловко задеть прилавок. Трудно сохранять в таких случаях самообладание, потому что в глубине души я думаю: *«Если бы ты узнал, кто я такая, то выскочил бы за дверь»*. Но никто не убегает. Лучше всего, когда клиент возвращается и хвалит книгу, которую вы рекомендовали. Этим насытиться невозможно.

Мальчик: *«Я сэкономил деньги, заработанные стрижкой газонов, чтобы купить эту книгу»*.

Я: *«Понятия не имела, что дети все еще так делают»*.

Мальчик: *«Дети все еще используют диванные подушки. Для разнообразия. Видишь?»*

И он протянул мешочек с монетами и мелкими купюрами.

Я: *«Ты меня разыгрываешь».*

Девочка-подросток: *«Вы все еще открыты? О, слава богу. Я бежала всю дорогу. Я пообещала себе».*

Я: *«Пообещала себе что?»*

Девочка-подросток: *«Эту книгу. Сегодня мой день рождения, и это мой подарок самой себе».*

Она берет в руки биографию Джоан Дидион.

До конца недели я наслаждаюсь этим моментом.

Женщина в спортивном костюме: *«Мой сын – подросток, и он хочет знать, как стать феминистом. Можете порекомендовать какую-нибудь книгу?»*

Я вручаю ей книгу Чимаманды Нгози Адичи *«Мы все должны быть феминистками»*. Хотелось бы знать, понравилась ли та ее сыну, но женщина больше не появлялась.

Женщина: *«У меня на это ушли годы, но я прочла всего Пруста. Мне нужно что-то сложное».*

Я: *«Вы читали русских писателей?»*

Женщина: *«Боже мой, неужели до этого дошло?»*

Молодая девушка: *«Что вы посоветуете для той, кому нужно, так сказать, препоясать свои чресла? Я имею в ви-*

ду, есть такое выражение».

Я: «Это связано с каким-то особым случаем?»

Молодая девушка: «Да. Встреча родственников. И большинство из них злы на меня».

Я: «Если позволите, я спрошу ...»

Молодая девушка: «Они давят на меня, требуя, чтобы я рассталась с женихом. Они хотят, чтобы я вышла замуж за кого-то, кто не... В общем, это расовый вопрос. Они не говорят напрямую, но это так».

Я: Я бы предложила «Маковое море» Амигава Гоша. В книге есть потрясающая романтическая сцена, где влюбленные, которым запрещено принадлежать друг другу, оставляют погребальный костер без вдовы и сбегают из огня за море...»

Бумажные полотенца

После того как Катери отдала книгу и я принесла ее домой, зачастивший к нам дух придерживался обычного распорядка. Но вскоре я начала подозревать, что Флора приходит и ночью. Однажды, когда я вошла в магазин утром, то обнаружила груды бумаг и книги, лежащие криво, как будто в них кто-то рылся. Мне пришла в голову странная мысль: может быть, Флора пыталась найти свою книгу, ту, что отдала мне Катери. Я отбросила эту мысль. Но осторожные обыски не прекратились. Я привыкла приводить себя в порядок и пополнять запасы по утрам. Открывать магазин должна была Асема Ларсон.

Асеме двадцать два года, она изучает историю и язык оджибве в Университете Миннесоты. Она по большей части оджибве, ее дедушка наполовину сиссетонский дакота, а в остальном в ней течет норвежская и ирландская кровь. Она рассказала об этом однажды, когда мы разбирали мое происхождение. Но вчера она сказала, что заболела.

– Мои крови снова воюют друг с другом, – объявила она.

– О чем ты говоришь?

– Исторический детерминизм. Проявившийся физически, – продолжила Асема. – У меня сильные судороги. Извини, но не могла бы ты подменить меня в мою смену?

Я согласилась, а сегодня она вернулась.

– Как твой исторический детерминизм? – спросила я.

– Немного лучше, – ответила она. – Вчера я весь день пила чай из листьев малины.

– Хорошо, я по тебе скучала.

– О-о-о. Ты такая сентиментальная.

– Спасибо. На самом деле дел по горло. В магазине было оживленно. Разве вы, молодежь, ничего не знаете о спазмолитиках?

– Эй, если бы я действительно была привержена традиционной культуре, может, я и уединилась бы где-нибудь в лунном домике, почесывая спину длинной палкой, чтобы не осквернить себя.

– Не заставляй меня начинать.

– Ха-ха, – сказала Асема. – Ты знаешь мое мнение на этот счет.

– Как у тебя сложились языковые отношения с твоим стариком? – спросила я.

– Безумно хорошо. Мы с Хэнком разъезжали по общине на гольф-каре, доставляя еду.

Я заметила у нее на запястье нарисованный чернилами контур.

– Как будет на оджибве «татуировка»?

Асема взглянула встревоженно:

– Понятия не имею!

Некоторое время она бормотала о возможных вариантах, а затем написала Хэнку и на мгновение уставилась на теле-

фон.

– *Мазинижага'эби'иган*, – сказала она.

– Ужасно длинное слово.

– У оджибве все намного длиннее.

Она бросила на меня многозначительный взгляд, который я проигнорировала. По части татуировок Асема намного опережает Пенстемон. На левом плече у нее вытатуирован ястреб, ныряющий вниз, чтобы догнать голубых ласточек в районе запястья. Она копит деньги, чтобы голубые ласточки взлетали по ее правой руке и кормили птенцов в верхней части плеча. Таким образом, когда она сложит руки, на ней будет изображена история их спасения. Ее длинные каштановые волосы собраны в два детских хвостика над ушами. Она безжалостный критик. Готова осуждать все. Не только книги, но и историю, напыщенность американской политики, местных деятелей, музыку, белых, других индейцев, а также работу магазина. С некоторой надеждой я ожидала, что она упомянет о ежедневном утреннем беспорядке, так как открывала магазин несколько дней назад, но она молчала. Когда я спросила, все ли было на месте, когда она пришла на работу, Асема ответила, что я всегда по вечерам оставляю вещи в полном порядке.

Итак, наш призрак обладал способностью читать график работы персонала, и по какой-то причине я была объектом его внимания.

– Наши шелфтокеры²³ в полном беспорядке, – заметила Асема, убирая книги, которые мы только что получили.

– С ними работала Пен, – отозвалась я.

– Я доделаю.

Хотя Пен – наша самая дотошная сотрудница, Асему всегда раздражает то, как все, по ее мнению, через день катится под откос.

– Плюс нам нужен хороший пылесос, – заявляет Асема. – Меня сводит с ума, что все мухи, оставшиеся с лета,дохнут, а потом зимой из их яиц вылупляются новые, тожедохнут, и в результате мух становится все больше и больше. Целое скопище.

– Скопище дохлых мух. Я знаю, о чем ты говоришь.

– Нам нужен маленький ручной пылесос, – продолжает Асема. – У нашего магазина проблемы с пылью.

– Меня приводит в восторг, когда такая юная девушка, как ты, говорит о проблемах с пылью!

– О, мама-медведица.

– Не называй меня так!

– Плюс оконные стекла. Мерзость.

Асема побрызгала водой с разведенным в ней уксусом на окна, вытерла их дочиста, а затем принялась за туалет.

– Дерьмо! – услышала я ее голос.

– В буквальном смысле?

²³ Шелфтокер – карточка с рекламной информацией, символикой и названием издательства, размещаемая на полке рядом с товаром.

– Нет, опять повсюду бумажные полотенца. Кто-то продолжает вытаскивать слишком много полотенец из дозатора, и они разлетаются по всему туалету.

– Подожди.

Я пошла к ней, чтобы помочь. Дешевые бурые бумажные полотенца были разбросаны по полу. Точно так же, как их всегда оставляла Флора – по небрежности или в спешке.

Форель с розовой мякотью

С утратой Флоры мы потеряли и дневной свет. С переходом на зимнее время наш график работы сместился, что всегда меня расстраивает. Утром снова было светло, но темнота наступала в самый приводящий в уныние час. Небо было черным, когда я закрыла магазин в шесть и голодная пошла домой. Запах бульона писту²⁴ в течение последнего часа просачивался сквозь стены магазина, долетая из соседнего ресторана. Окна в домах, мимо которых я проходила, были похожи на маленькие декорации, освещенные мягким золотым светом. Сначала мы с Поллуксом терпеть не могли проходить мимо светящихся окон в этот час. В детстве мы жили в Миннеаполисе и были вечно голодны. Но теперь переехали в пригород внутри окружной дороги и привыкли заглядывать в окна, наблюдая за маленькими драмами и сценами домашнего уюта. Вот женщина, оживленно жестикулируя, выговаривает что-то ребенку, перегнувшемуся через перила лестницы. Вот мужчина уставился в монитор компьютера. Только что вошедший в комнату мальчик любителюется новыми джинсами. Головы сидящих на диванах членов семьи на фоне ярких экранов с движущимися изображениями. Эти маленькие живые картины видны только в этот час – перед

²⁴ Писту – соус или паста из измельченного базилика, чеснока и сыра, используемые в провансальских блюдах.

тем, как люди лягут спать. Снег еще не выпал, и в городе не по сезону тепло. Проходя по тихим улицам, я испытывала ностальгию, чувство мечтательного беспокойства, переходящего в отчаяние из-за того, что изменение климата слишком легко меняет наш мир и разрушает то, что ценно, нормально. Однако сам факт прогулки по красивой ноябрьской улице в тонком свитере, в котором не замерзнешь, был своего рода заразительным удовольствием.

Наш дом – один из немногих небольших коттеджей, оставшихся на нашей улице. Несколько ветвистых вязов все еще затеняют бульвар, и старомодный дворик густо зарос. На втором этаже есть одна полностью оборудованная ванная комната, а другая примыкает к крошечному кабинету/гостевой спальне за кухней. Мы встроили еще один крошечный туалет под лестницей, чтобы им воспользоваться, нужно согнуться и присесть. Поллукс для него слишком велик. Его дядя-строитель купил этот дом в конце 1990-х, когда рынок жилья упал. Дело в том, что ему хотелось жить рядом с озером. Входная дверь открывается в уютную гостиную, а кухонная зона отделена от нее тяжелым старым столом из красного дерева, купленным на одной из многочисленных распродаж, которые то и дело происходят в округе. У нас даже есть кукольный домик ручной работы – копия одного из пошедших с молотка домов, украшенный двухэтажными колоннами. Наш дом обставлен содержимым близлежащих домов, которые пустеют по мере того, как их жильцы переез-

жают или умирают. Кресла-качалки, бесконечные застекленные шкафы и резные кровати, диваны и потертые письменные столы. Перенесенные из чужой жизни в нашу, эти предметы мебели напоминают о бывших владельцах то случайной наклейкой с касаткой, то следами собачьих зубов на ножке, то, как мой собственный стол, открыткой с изображением Будды и иллюстрированной инструкцией по искусственному дыханию, приклеенными скотчем к ящику.

Мы с Поллуксом притворялись, что у нас обоих выдался тяжелый день и нам нужно рухнуть на разные стороны дивана. Принимая во внимание сверхъестественное присутствие Флоры, о котором я не могла забыть, расставляя книги по полкам, проверяя инвентарные записи и обзванивая клиентов, можно было не сомневаться, что у меня день выдался действительно напряженный. Но я почти уверена, что с Поллуксом все обстояло иначе. Он был на рыбалке. После смерти матери моего сонного потаватоми с серебряным конским хвостом воспитывала горячо любимая им Ноокомис, бабушка Ноко. Потому что отец мог оставить его одного в квартире на целую неделю. А однажды потерял его в лесу. Потом забыл в торговом центре. Наконец, оставил его с другом, у которого случился сердечный приступ, и он умер, пока Поллукс ползал по его ногам. Ноко взяла Поллукса под опеку, и они переехали в северную Миннесоту. Впоследствии она вышла замуж за индейца-оджибве. Дела у них пошли лучше.

Поллукс ходил в обычную среднюю школу, а затем начал карьеру боксера. Как только он бросил бокс, начал работать в полиции племени. Сразу после моего ареста он уволился из полиции и вернулся в Города. Дядя Поллукса взял его в свою строительную компанию, а затем оставил ее вместе с домом ему в наследство. В начале 2008 года, перед самым кризисом, Поллукс продал строительную компанию и два новых дома. На вырученные деньги он купил акции, когда рынок резко упал. Какой индеец играет на фондовой бирже? Однажды я задала ему этот вопрос. Он прямо сказал: «У белого человека беда с мозгами. Я просто пользуюсь своим преимуществом». Акции восстановили прежнюю стоимость и даже превысили ее. Сейчас они приносят скромный доход. Поллукс делает дизайнерскую мебель в гаражной мастерской. На деньги, вырученные от продажи мебели, он покупает принадлежности для своих церемониальных нарядов и украшений из орлиных перьев. А еще он подал заявление и теперь ждет, когда Служба охраны рыбных ресурсов и дикой природы пришлет ему орла. Он прождал птицу большую часть года. Поллукс посещает множество церемоний оджибве в качестве *ошкаабев*, то есть помощника. Мы можем – почти – позволить ему разгуливать с ручным барабаном, а мне работать в книжном магазине.

У нас нет собственных детей, но мы воспитывали племянницу, дочь брата Поллукса, пока та не выросла. Принято считать, что дети однополых братьев и сестер бывают очень

близки со своими тетями или дядями. Поллукс называет ее дочерью, а она его папой.

– У меня вести от Хетты, – сказал Поллукс.

Мое сердце подпрыгнуло. Я тоже привязалась к Хетте и думаю о ней как о нашей дочери, хотя и не нравлюсь ей. Поллукс увидел выражение моих глаз.

– Не паникуй, с ней все в порядке. Она не согласилась на эту роль.

– Ах, слава богу, роль казалась мне такой поверхностной.

Хетта бросила Институт искусств американских индейцев и работает официанткой в Санта-Фе²⁵. Ее часто просят сняться в фильмах или видео, особенно когда город переполнен художниками и коллекционерами, посещающими Индейский рынок²⁶. Я боюсь за нее, потому что она невероятно яркая, упрямая и немного дикая. Она дружит с Асемой.

– Сомневаюсь, что ее пригласили сниматься в порнофильме. Как бы то ни было, от роли она отказалась! Не волнуйся. Если бы она согласилась, я бы съездил за ней и привез домой.

Хетта не разговаривает со мной вот уже почти восемь месяцев, но, по крайней мере, общается с Поллуксом.

²⁵ Санта-Фе – город на юге США, административный центр штата Нью-Мексико.

²⁶ Индейский рынок Санта-Фе – ежегодный арт-рынок, который проводится в выходные дни, следующие за третьим четвергом августа. Это мероприятие привлекает в город около 150 тыс. человек со всего мира. Его организует Юго-Западная ассоциация индейских искусств, демонстрируя работы лучших художников коренных американцев из племен по всей стране.

– Я знаю, ты так бы и поступил. Я ужасная мать.

– Не начинай, – погрозил пальцем Поллукс. – Вот, посмотри: я поймал шесть форелей.

Осень была такой теплой, что несколько ручьев все еще были открыты для ловли. Поллукс рыбачил с приятелем примерно в часе езды от дома, в Висконсине, и обычно приносил домой выпотрошенную одиннадцатидюймовую форель в мешке на молнии. Улов всегда был идеальный, и я заподозрила, что муж наведывается в один из тех туристических прудов с форелью, где установлены садки с рыбой, которую специально приставленные работники разделявают, как только та бывает выловлена, но он клянется, что это не так. Он спросил, что произошло в магазине. Я рассказала Поллуксу о книжном клубе женщин в кардиганах с практичными стрижками, которые купили книгу Марлона Джеймса «Черный леопард, красный волк» и полны решимости существовать в лихорадочно-мечтательной ауре ее повествования. С трудом сдерживая волнение, они читали друг другу понравившиеся отрывки.

– Какие-нибудь еще новости от Хетты?

– Больше никаких.

Я знала, что это неправда. И все же я откинулась назад и закрыла глаза. Мы с мужем давно договорились, что Поллукс готовит мясо, а я рыбу. Фирменные супы мы стряпаем по очереди. Я думала только о том, как буду готовить форель, а остальные мысли выбросила из головы. Надо выйти в сад и

нарвать побольше петрушки, орегано, эстрагона и розмари-на, которые уже должны были замерзнуть, однако прекрасно себя чувствуют под легким покрывалом сосновых иголок. Я мелко нарежу травы, нафарширую ими рыбу, добавлю чеснок, обжарю форель на сливочном масле. Морская соль, вино. Ах какую восхитительной она будет, эта форель с розовой мякотью, все еще сверкающая, словно река.

Так и оказалось.

После ужина мы отправились на прогулку. Яркий луч моего налобного фонарика прорезал пенисто-серую городскую тьму. Это была негустая, человеческая темнота, совсем не похожая на разрывающую сердце черноту севера. За спальней наш двор спускался под уклон у высокой белой канадской сосны. Двор заканчивался тупиковым переулком, скорее грунтовой тропой. Спустившись по тропе и перейдя бульвар, вы неожиданно попадали в таинственный лес из ясеня, сибирского вяза, клена, самшитовой бузины, ежевики, крушины и лопухов – страну потайной красоты. Велосипедная и пешеходная тропа прорезала колышущийся полог тополей и берез, а затем сворачивала на полосу восстановленной прерии, которая излучала травяной свет и все лето гудела от насекомых. Там, внизу, ночную тишь иногда нарушал далекий грохот неуклюжего товарного поезда. Чтобы попасть в лес, мы пересекли строительную зону. Город решил провести скоростной трамвай по покрытой листвою велосипедной дорожке. Однажды наши улицы с коттеджами,

многие из которых некогда были пансионатами, превратятся в многоквартирные дома, а дикие леса будут приручены и благоустроены.

Или, возможно, со временем они станут еще более заброшенными.

Эти земли – родина индейцев дакота, территория народа Облачного Человека²⁷. Его деревня находилась где-то рядом с Бде-Мака-Ска, озером Белой Земли. Местность была болотистая, здесь в изобилии рос дикий рис. В его уголья аккуратно вклинивались кукурузные поля индейцев. По болотам пробирались лоси. Может быть, волки обитали там, где сейчас находится наш двор. Медведи расхаживали по дубовой роще, обедаясь желудями. Сегодня вечером мы шли тихо, прислушиваясь к крикам сов.

В шепчущей темноте я размышляла о дакота, народе Асемы со стороны ее отца. Они бежали отсюда в 1862 году, когда штат Миннесота предложил скаутам-добровольцам вознаграждение в двадцать пять долларов за скальп индейца. Возможно, ее предки до Дакотской войны²⁸ были связаны

²⁷ Облачный Человек (ок. 1780–1862/1863) – вождь индейцев дакота. Основал сельскохозяйственную общину Хеяте Отуве на берегах Бде-Мака-Ска в 1829 году после того, как на три дня попал в снежную бурю. Белые поселенцы рассматривали деревню как прогрессивный шаг на пути к ассимиляции, однако члены общины вели явно дакотский образ жизни.

²⁸ Дакотская война, известная также как Восстание сиу, – вооруженный конфликт между США и санти-сиу. Конфликт начался 17 августа 1862 года на реке Миннесота на юго-западе штата Миннесота и завершился казнью 38 индейцев санти-сиу 16 декабря 1862 года в городе Манкейто.

с этим участком земли или с землей под самым книжным магазином. Я вгляделась в деревья, тонкие кончики ветвей шуршали на легком ветру. Кустарник вокруг нас был полон царапающими таинственными шумами. Сюжеты многих книг и фильмов перекликались с моими тайными встречами с Флорой. Места, посещаемые беспокойными духами индейцев, походили одно на другое. Как правило, это были отели, где кости аборигенов лежали под цементными фундаментами и полами – аккуратные, обладающие сверхъестественными способностями останки, символ тревоги американцев по поводу их жестокой истории. Многое из происходящего со мной уже случалось в художественной литературе. Неупокоенные индейцы. А как насчет таких же поселенцев? Беспокойных фанатов? По словам Пенстемон, магнетизм земли направляет многие действия обитателей невидимого мира. Возможно, сам книжный магазин располагается на клочке земли, где пересекаются магические линии. Их невидимые руны соприкоснулись во время какого-то... сдвига, возможно, космического... солнечной бури – в общем, чего-то, изменившего реальность. Возможно, родственники Облачного Человека недовольны мной из-за того, что я сплю с потаватоми.

Я схватила мужа за руку и спросила, знает ли он традиционных врагов потаватоми.

– Мы были крутыми парнями, разжигаящими огонь, – ответил он, – а потому нравились людям.

Название людей будаве, которые, возможно, позднее стали потаватоми, на языке оджибве означает «разжигающие огонь». Некоторые старейшины считают их индейцами, искони добывавшими огонь.

– Может быть, твои предки были поджигателями, – предположила я. – Иначе почему бы они прославились тем, что может сделать каждый?

– О, мы были особенными. Мы могли разжечь огонь голыми руками.

Он остановился, сильно потер руки и взял мое лицо в горячие ладони. Мы стояли на небольшом участке земли прямо рядом с пешеходной тропой. Мой налобный фонарик светил ему прямо в глаза. Я подняла руку и нажала кнопку выключателя. Мы замерли во вздыхающей темноте города. Я прислонилась к нему. Позволила себе всплыть в Поллукса. Я чувствовала биение его сердца у своей груди, чувствовала, как пробираюсь по тропинкам внутри него, без света. Если бы я шагнула с обрыва в его сердце, он бы меня поймал. Вернул бы меня на солнце. Я вспомнила о том, как Поллукс стоял на фоне сияющих разноцветных байдарок, о его черном силуэте и о солнце, светящем из-за спины.

– Ты веришь в призраков? – спросила я.

– Ты же знаешь, что нет. Или, во всяком случае, знаешь, что я о них думаю.

– Я надеялась, что ты передумал.

– Нет.

– Ну, если бы ты передумал и призраки существовали, кого бы они навелили в первую очередь? Стали бы они навещать нормальных людей? Хороших? Или таких, как я?

Поллукс включил свой налобный фонарик, схватил меня за плечи и поставил перед собой. Я прикрыла глаза рукой.

– Выключи свет, слышишь?

– Я просто хочу посмотреть, с кем разговариваю. Что это за «такие, как я»?

– Люди, которые бесчестят мертвых.

– Он уже был обещен, – возразил Поллукс.

– Знаю. Он был хорьком. Но я все равно сожалею о том, что сделала. И больше всего раскаиваюсь, что не проверила подмышки Баджи.

Поллукс взял меня за руку, и мы молча пошли домой.

Я знаю, он думал, что у людей, которые видят призраков, проблемы с головой. Они верят во всевозможные вещи, которые его раздражают. Вредоносные огненные шары, например, или странные существа, которых он даже не считал уместным обсуждать. Я не могла смириться с тем, что Поллукс может посчитать меня чокнутой, во всяком случае, по части призраков.

Когда мы вошли в дом и сняли пальто и перчатки, он заговорил:

– Ты должна перестать думать о призраках, Туки. Ты уже не та чудачка, которая похитила старину Баджи. Ты интеллигентный книжный червь, знающий тысячу способов при-

готовить рыбу.

– Спасибо, *нинаабем*²⁹, – поблагодарила я. – Но что, если? Что, если бы меня побеспокоил призрак?

Поллукс бросил на меня раздраженный взгляд, которого я так боялась, но потом смягчился:

– Будем считать, что это говорю не я, ладно? Так вот, если бы это когда-нибудь случилось, моя бабушка посоветовала бы поговорить с призраком, попросить его не беспокоить тебя, окурить место его появления шалфеем и можжевельником, оставить для него табаку, немного утешить беднягу, поладить с ним.

– О'кей, – отозвалась я. – Спасибо. Я собираюсь лечь спать пораньше.

Поллукс поцеловал меня в макушку и закрыл дверь спальни. Он знал, что иногда мне нужно уединение. Я разделась и голая забралась в нашу кровать королевских размеров с поролоновым матрасом и натянутым сверху наматрасником. С тщательно подобранными подушками из магазина уцененных товаров. С дешевыми белыми – ну, очень белыми – простынями и наволочками. Забираясь в нашу постель, я испытываю радость и облегчение человека, входящего в тайное измерение. Здесь я буду бесполезна. Мир может продолжать вертеться без меня. Здесь меня будет удерживать любовь.

И все же довольно часто в этом идеальном убежище мое сознание отказывается отключаться. Джеки, страдаю-

²⁹ Нинаабем – муж, супруг (*оджибве*).

щая бессонницей, сказала мне, что и с ней случается то же самое. Она говорит, у нее повышенная бдительность, которая сопротивляется потере сознания. Я лежала без сна и думала о Флоре. Я окурю весь магазин. Отмечу привычный маршрут ее перемещений по нему. Мне казалось, что они подчиняются некой закономерности. В конце концов Полукс зашел в спальню, залез под одеяло и сразу же отключился. Я не боролась с бессонницей. Я слушала, как дышит муж, пока он не погрузился в глубокий сон и не начал похрапывать, лежа рядом. Товарный поезд медленно тащился по лесу в конце бульвара. Перекликались совы, затыкала лиса. Люди проходили по улице, пьяно смеясь. Вдалеке слышались сирены. Порыв ветра заставил ветки белой канадской сосны зашуметь – мой любимый звук. Я начала чувствовать одинокую напряженность, дрожь бытия, переходящего в небытие. Наконец я забеспокоилась о деньгах, и мой мозг сдался.

Миигвечивигиижигад (День, когда мы выражаем благодарность)

Настал день нашего ежегодного делового совещания перед Днем благодарения и Рождеством. Мы собрали все стулья в магазине и уютно устроились, расставив их между стеллажами с книгами для молодых читателей. Наш закупщик Ник, всевидящий веб-гуру, компьютерщик и специалист по устранению неполадок подключился удаленно.

– Вот оно, снова, – произнес он.

– Звезда приближается с востока, – сказала Луиза.

– Денежная звезда, – добавила Асема.

– Наша судьбоносная звезда, – уточнила Джеки.

На Джеки была пара сережек в виде серебряных перышек, из тех, что мы продаем. Она сидела с серьезным, обескураживающим видом туземной женщины определенного возраста, занимающей руководящее положение. Обычно мы покрывали большую часть наших текущих расходов в течение года за счет продаж в рождественские праздники. Хотя бывали времена, трудные времена, когда нам это не удавалось.

– Пока мы катимся вниз, – сообщила Джеки.

– Потому что снег еще не выпал, – рассудила Асема. – Только снег заставляет миннесотцев тянуться за кошельками. Первый снег вызывает у них мини-панику.

– Ненавижу Рождество, – призналась я.

– Мы все так говорим. Но мы работаем в розничной торговле, – драматично вздохнула Пен, как это делает человек, уставший от жизни.

– Ты снова смотришь «Галактику», да? Опять рассталась с парнем? – бросила на нее острый взгляд Джеки.

– У него ничего не получилось, – вздохнула Пен.

– Невероятная текучесть кадров.

– Он остриг волосы и сбрил бороду.

– Давайте вернемся к Рождеству, – предложил Ник.

Он дал разумный подробный отчет обо всех значимых моментах, и отключился.

Все посмотрели на телефоны. Пен помахала рукой.

– Можем мы все работать сверхурочно? – спросила Джеки. – Грюн?

Грюна, друга Асемы, мы позвали на полставки в прошлое Рождество, но все сложилось так хорошо, что он перешел практически на полный рабочий день. Грюн – немецкий студент, приехавший сюда по программе обмена и влюбившийся в языки коренных народов. Он учится на преподавателя языка оджибве. Асему это одновременно и возмущает, и радует. Мы рассчитали наши часы работы. Единственное, чего мы опасались, так это того, что наш маленький магазинчик не сможет вместить всех клиентов во время ажиотажа. Но в то же самое время мы беспокоились, что посетителей у нас может оказаться меньше, чем обычно. Под конец мы перестали волноваться и съели печенье, которое принесла Дже-

ки. Овсяное с изюмом. Мы пили теплый сидр, обсуждали наш сложный протокол почтовых отправлений и даже договорились поставить еще один стол для упаковки подарков, хотя он мог заблокировать дверь в туалет. Потом завязался долгий спор о том, сможем ли мы использовать детскую игровую зону для хранения книг.

Я не следила за дискуссией: мысли витали где-то в другом месте. Не следила я за темой доставки, хотя изначально вопрос о ней подняла именно я. Что-то связанное со сроками выполнения заказов на книги? Я оглядела друзей. Они замолчали, ожидая, когда я заговорю. Печенье было мягким, его было приятно жевать. «О, какого черта», – подумала я и обратилась к собравшимся:

– Я насчет Флоры.

Джеки откинулась на спинку стула. Пен сложила руки и опустила глаза. То ли была расстроена, то ли молилась. Грюн явно хотел убедиться, правильно ли меня расслышал. Асема медленно распахнула и без того широко раскрытые карие глаза и коснулась плеча Луизы, чтобы привлечь ее внимание.

– Что? – переспросила Луиза.

– Флора, – напомнила я.

Грюн обвел присутствующих выжидающим взглядом. Ему было интересно все, что я бы ни сказала. Для него это стало бы одним из проявлений верований коренных народов. Я собралась с духом, чтобы произнести: *«Клянусь, она все еще приходит и навещает меня каждый день ...»*

– Ты права, – опередила меня Луиза. – Мы должны каким-то образом отдать дань ее памяти. Подписать открытку и послать Катери. Может быть, организовать в ее честь крупное пожертвование книг об индейской культуре и передать их какой-нибудь организации.

Асема потянулась к стойке и взяла карточку с изображением волка работы Карли Бордо³⁰.

– Она была из клана волка? – спросил Грюн.

– Из клана енота, – ответила Асема, передавая карточку вместе с ручкой Пенстемон, у которой уже была своя, фиолетовая. Девушка наклонилась, чтобы написать сообщение.

– Клан енота? Это интересно?

Грюн выжидающе посмотрел на Асему, но та проигнорировала вопрос, прозвучавший в его голосе.

– Она тебя разыгрывает, – улыбнулась Джеки. – Нет никакого клана енота.

– Вы не все знаете, – возразила Пенстемон, протягивая карточку. – Держу пари, есть какое-нибудь племя с кланом енота. Эдакие всеядные маленькие обманщики.

– Флора была всеядной, – заметила Асема. – Я имею в виду, всеядной читательницей.

– Она была моей самой надоедливой и любимой клиенткой, – вставила наконец я. – На самом деле Флора бывала здесь так часто, что я все еще, поверьте, *все еще* буквально

³⁰ Карли Бордо – член племени оджибве; была иллюстратором многих детских книг и получала заказы от отелей и казино, где выставлены ее гравюры.

слышу, как она приходит каждый день в одно и то же время в поисках очередной книги.

Мое сердце бешено заколотилось. Я только что сказала правду. Но то, как я им все рассказала, прозвучало слишком правдоподобно. Я не использовала слова «дух», «призрак» или «привидение».

– О, Туки! Черт.

Луиза много лет прожила с привидением в доме, но его присутствие было полезным. При жизни она не знала этого человека. На самом деле, поскольку призрак чаще всего появляется в оборудованном на чердаке кабинете, она думает, что он помогает писать книги.

Джеки потрясла тарелкой с печеньем передо мной и сказала:

– Давай, возьми два.

Это был ее способ утешить, и обычно он срабатывал.

Асема достала раковину морского ушка, которую мы храним под прилавком, и скатала маленький шарик из степного шалфея. Грюн передал ей зажигалку, шалфей вспыхнул и задымился. Увидев раковину с горящим шалфеем, мы все помахали руками, направляя дым на себя, а затем Асема прошлась по магазину, разгоняя дым по углам. Пока она это делала, я решила поговорить с призраком, как посоветовала бы бабушка Поллукса.

– Флора, тебе пора двигаться дальше, – произнесла я вслух.

Брови моих коллег поползли вверх, но особенно встревоженными они не казались. Я ждала. На этот раз ответа от Флоры не последовало.

– Что бы ты ни искала, этого здесь нет, – крикнула я. – Ты слышала, Флора? Тебе пора двигаться дальше.

Асема отвернулась от полки художественной литературы, с которой с резким шлепком упала книга. Все мы подскочили на стульях и застыли, словно замороженные. Наши глаза бегали туда-сюда, рты открылись.

– Это я уронила ее с полки! Не надо паники! – сказала Асема.

Она разрушила чары, но ее голос прозвучал скрипуче и резко. Она и близко не стояла с полкой, откуда свалилась книга. Звук падения показался мне сердитым. Он в точности напомнил мне те времена, когда, вместо того чтобы со мной препираться, моя мать просто швыряла что-нибудь в стену или на пол. Я подошла и подняла упавшую книгу. Это была Лили Кинг. *«Эйфория»*. Я вернула книгу на полку. Постучала по ней.

– Ничего страшного! – прохрипела я сдавленным голосом и попыталась рассмеяться, но сердце бешено колотилось в груди. – Она лежала лицом вниз, а значит, была готова упасть.

Что было неправдой.

Тропки меж книжными стеллажами

Сознание продавца книжного магазина часто пользуется теми же тропами, по которым движутся покупатели, просматривающие литературу, выставленную на стеллажах. В течение дня маршруты перемещений клиентов формируют особые карты, лежащие воображаемой стопкой в уголке сознания. Когда день заканчивается, книги, оставленные на стульях, подоконниках и в тому подобных местах, нужно вернуть на полки. Лично я всегда знаю, откуда взялась та или иная книга. Я знаю, какой клиент и где оставил ее. Я знаю, какая книга была снята с полки каким человеком, потом взявшим еще одну, а потом другую, оставив прежнюю на стуле или «чужой» полке.

Как и в случае с другими посетителями, призрак Флоры оставлял за собой книжный след. Прошуршав в закутке, который у нас известен как «исповедальня», она всегда начинала со своего любимого раздела «Художественная литература», затем переходила к «Научной литературе и мемуарам» и, наконец, проводила тихие исследования в области «Художественной литературы, связанной с творчеством индейцев». Если меня поблизости не было, гостя изучала литературу, разложенную на прилавке. Затем она проходила мимо «Поэзии» и «Кулинарных книг». В конце концов из исповедальни доносилось еще больше шуршащих звуков. За-

тем наступала тишина. Флора была чрезвычайно набожной католичкой, и, возможно, исповедальня давала ей утешение.

Однажды Флора снова сбросила книгу Лили Кинг с полки. Она повредила ее – как мне показалось, в припадке досады, и мне стало ее жалко. Разве что своим эктоплазменным взглядом Флора могла читать книги, не снимая их с полок. Ей было очень трудно читать книги, не имея возможности открывать их и просматривать страницы. Возможно, она могла разбрасывать бумажные полотенца и сдвигать книги с полки, но у нее не было сил поднять книгу, почувствовать ее тяжесть, взвесить в руках, прежде чем открыть и посмотреть на слова. Мысль о том, что наша обитательница книжного магазина проводит руками по книгам, бесполезно хватаясь за страницы, беспокоила меня так сильно, что я начала оставлять книги открытыми, если их страницы были достаточно плотными, чтобы оставаться на месте. Страницы так и не перевернулись. В ту же ночь я открыла для Флоры книгу и закрепила каждую страницу одним из гладких базальтовых камней, которые мы держим в магазине в качестве питомцев. Книга представляла собой подарочное издание *«Флоры и фауны Миннесоты»*. Я выбрала ее, потому что она была большой и достаточно гибкой, чтобы открытые страницы можно было удерживать двумя камнями. Позже, однако, я подумала, что, возможно, эта книга была выбрана для меня самой Флорой, потому что ее имя было в названии.

Вторая натура Пенстемон Браун

Пен необычайно худа. Порой создается впечатление, что, вместо того чтобы дать ей нормально расти, ее медленно растягивал какой-то талантливый художник. Талантливый, так как сделал ее руки, ноги, туловище и шею идеально пропорциональными и стройными. Она выглядит грациозной, хоть на самом деле грациозностью не отличается. Пен двигается по-детски нетерпеливо, рывками, особенно когда возбуждена. Она всегда в восторге от Рождества, потому что любит все, связанное с обрядами, ангелами, выдумками, шоколадом и подарками. В эти дни она светится так, словно ее освещает изнутри горящее полено, сжигаемое в сочельник.

– Какой у тебя рождественский ритуал в этом году? – спросила я.

– Буду общаться с ангелами, – ответила она мне. – Особенно с серафимами. А также с духами снега.

Пенстемон живет в гармонии с множеством потусторонних существ. Она эклектичный коллекционер и исследователь всего, что имеет отношение к ее собственному племенному происхождению и другим людям. Теперь, когда речь зашла о праздничных ритуалах, она рассказала мне, что на нынешний Хэллоуин оделась во все черное (что для нее не редкость; так, сегодня на ней была черная футболка, юбка-карандаш, черные браслеты на ногах и черные полуобо-

тинки на толстой подошве). Она оделась так, чтобы казаться невидимой, и поехала в особое место на Миссисипи. Там она прокралась в подлесок. Когда вокруг не было ни души, она шпателем вырыла небольшие ямки. В них она спрятала четвертинки сломанного ею компакт-диска. Это была музыкальная подборка ее предыдущего бойфренда, того, о котором она мне однажды шепнула, что прозвала его Нытиком. Пен всегда дает своим парням прозвища. Она только что рассталась с Тряпкой. После Иисусика. Кроме того, в прошлый Хэллоуин она взяла камешки гальки, которые собирала весь год, вымазала грязью и стала петь им на нескольких языках, а для пущей убедительности добавила «Отче наш» на латыни. Что символизировали камешки и по какой причине она выбрала их, она не уточнила, сказав только: «Я избавляюсь от вещей, которые не понравятся моей второй натуре». После исполнения этого ритуала она пошла домой и объелась шоколадным тортом.

Одна из причин, по которым я так люблю Пен, заключается в том, что она включила в свои священные ритуалы шоколадный торт.

– Это был торт «Красный бархат»?

– В смысле?

По какой-то причине Пен выглядела виноватой.

– Вернемся к Хэллоуину. Просто хотела узнать.

Пен посмотрела на меня и покивала.

– Ты что, экстрасенс?

Некоторое время мы работали в тишине, потом у нас появились клиенты, которые хотели, чтобы их книги были возвращены в нашу любимую оберточную бумагу, напоминающую бересту. Я не самый быстрый упаковщик книг. Может быть, клейкая лента запускает у меня механизм посттравматического стрессового расстройства. С моими аховыми навыками я всегда либо приклеиваю к свертку палец, либо склеиваю вместе руки. Но сама продажа книг – это мое. Входит клиент, и я тут же бросаюсь к прилавку. Я живу ради присущего книжному бизнесу человеческого алгоритма, когда спрашиваю, что любит читать клиент, а затем прогоняю книжные названия через мою сеть ассоциаций. Искусство, к которому я неосознанно готовилась, создавая библиотеку в голове. Например, если клиентке нравится автор детективов Луиза Пенни, я рассказываю о Донне Леон. Но она также любит историю, поэтому подсовываю полистать Жаклин Уинспир и Джона Бэнвилла. Но вот небольшой допрос изменил траекторию. Я превозношу Кейт Аткинсон и Ф. Д. Джеймс, предлагаю *«Транскрипцию»*. Она упоминает вскользь, что ей нравится *«Дитя человеческое»*. Я упоминаю *«Рассказ служанки»*, который она, конечно, прочитала, а затем перехожу к моей особенной писательнице, Октавии Батлер. Одна из моих наиболее любимых героинь – озлобленная, сердитая, нежная Лилит. У нее много трансцендентного секса втроем с человеком и инопланетянином-улоем. Ради пущей прозрачности добавлю, что во время периода галлюцинаций я пе-

режила похожий опыт. Наконец предлагаю книгу Ольги Токарчук *«Веди свой плуг по костям мертвецов»*, произношу название, и у меня немного кружится голова, когда я вижу книги, сложенные стопкой на прилавке.

– Ты произносишь это название так, словно оно тебе по душе, – говорит Пен, когда клиентка уходит и магазин остается в нашем распоряжении.

– Мне действительно нравится его выговаривать. Ритм скачет галопом. Это из Уильяма Блейка.

– Я должна была это знать. Иначе какой я продавец книг? Она замолчала, достала телефон, посмотрела на экран, бормоча что-то о браке рая и ада, и начала вздыхать. Я уловила внутреннюю борьбу. Пару раз Пен глубоко вздохнула и, как мне показалось, чуть не сказала чего-то, но в последний момент удержалась от этой мысли.

– Пен, в чем дело? – наконец спросила я.

– Хорошо! – взорвалась она. – У меня есть торт «Красный бархат». Я принесла немного с собой на обед. Ладно! Я поделюсь.

– Я не спрашивала... Я не знала...

– Дело не в тебе. Речь обо мне, торте и моих традициях. Бабушка всегда говорила, что, если ты сиу, отдавайся тому, что делаешь, пока не станет больно. Что ж...

– Мне не нужен твой болеутоляющий торт, – объявила я. Но Пен уже вернулась в офис. Она пришла с двумя бумажными тарелками, на которых лежали ломтики сочного торта.

– Мне все равно. Ты должна это съесть. Я выиграла свою внутреннюю битву.

Она ухмыльнулась и протянула тарелку и вилку. Так что я взяла их просто для того, чтобы доставить ей удовольствие.

– Сама испекла?

– Угу, – произнесла она с набитым ртом, со слезами на глазах.

Был ли торт настолько хорош? О да.

Исповедальня

Интерьер исповедальни взят из магазина всякого хлама, когда-то расположенного неподалеку от реки Миссисипи. В нем есть несколько трогательных деталей. Например, маленький электрический вентилятор, установленный в кабине священника. Иногда, похоже, священник перегревался. Еще есть коробочка, в которой лежит набор хрупких наушников с надписью «исповедующийся», используемых для усиления звука грехов, произносимых шепотом, – чересчур слабым, чтобы его уловили слишком тугие уши священника. Исповедальня богато украшена и не сильно повреждена. Как только она была установлена в книжном магазине, Луиза, очевидно, расценила эту святую шкатулку как основу для неясно мотивированного художественного проекта и наняла Пен для создания в ней коллажа. Время от времени Пен приклеивала клочки бумаги к внутренним сторонам стен. Обычно это происходило после того, как она заканчивала картину и начинала обдумывать следующую идею. Иногда она работала над коллажем после полетов на самолете, утверждая, что во время полета через стратосферу теряет клетки мозга. Она не могла избавиться от убеждения, что кусочки ее разума разбросаны по небу. Когда она спускалась на землю, у нее возникало желание склеивать все воедино.

Следующий день у Пенстемон был нерабочий, но она при-

шла вскоре после того, как я открыла магазин. Она притащила пластиковое ведро с художественными принадлежностями в исповедальню и села.

– Что случилось? Почему ты не посвящаешь выходной тому, чтобы подцепить нового мужчину? – спросила я.

– У меня уже есть один.

– Конечно.

Я ушла, чтобы помочь клиенту выбрать книгу. Все утро Пен просидела в кабинке священника под единственной тусклой лампочкой, используя миниатюрные ножницы, чтобы вырезать фигурки из кусочков бумаги. То, как она щелкала ножницами и изредка бормотала что-то неразборчивое, начало меня раздражать. Я подошла к исповедальне, чтобы посмотреть на ее работу, и мне в нос ударил сильный запах резинового клея.

– О боже мой. С тобой все в порядке?

– Здесь со мной кто-то есть, – прошептала она.

Пенстемон начала смеяться. Беззвучно. Что привело меня в ужас. Я крикнула Асеме, чтобы та открыла наружную дверь. В магазин ворвался холодный воздух. Я рывком распахнула дверь исповедальни, и Пен, пошатываясь, вышла из кабинки священника. Потом она растянулась на полу у раздела «Природа», размахивая руками.

– Кто с тобой был? – спросила я тихим голосом.

– Никто. Кто-то. Мне там очень нравится, – пробормотала она.

Асема усадила ее.

– Это должно прекратиться. Завинти клей колпачком, – распорядилась Асема. – Тебе нужно принять что-нибудь от ядовитых испарений.

– Нет, они мне полезны, – возразила Пен.

Я вытащила ее на улицу. Очутившись на свежем воздухе, она опустилась на ступеньки. Я оставила Асему избавляться от клея и накинула на плечи Пенстемон ее пальто. Это было черное пуховое пальто с подкладкой из ярко-красной китайской парчи. На ногах была пара нелепых луноходов с толстой подкладкой и матерчатым верхом, которые она купила в комиссионке.

– Что ты имела в виду под «никто, кто-нибудь»?

– Там был голос, – ответила Пенстемон. – Ворчливый голос. Я ни слова не разобрала. Возможно, это была какая-то епитимья, оставшаяся от священника. Скорее всего, кто-то говорил что-то в подвале. Голос просачивался через пол. Я чувствовала себя странно.

– Позвонить кому-нибудь? Поллукс может отвезти тебя домой.

– Все в порядке. Он, вероятно, в курсе.

– Чего?

– Коллаж может оказаться опасным, – прошептала Пен.

– Если надышишься клеем, то конечно, – нахмурилась я.

– Нет, я не это имела в виду. Слишком много образов. Слишком много бумаги.

– И голоса.

– С голосами я справлюсь. Это из-за бумаги. Верите, что у меня есть макулатура с улиц Берлина? Мне нужен был иностранный мусор, и Грюн из последней поездки домой привез несколько билетов и фантиков от конфет. Я попросила его собрать все, что будет валяться в сточной канаве, но он сказал, что в Германии сточные канавы почти всегда бывают чистыми. Он рылся в мусорных баках, и это его очень смущало. Я только что приклеила найденные им материалы к стенам исповедальни.

Она обняла меня одной рукой. Я похлопала ее по колену.

– Билеты итальянской лотереи, – доверительно сообщила она, как будто открывая существование великого сокровища. – Оттиски интересных гравюр с изображением окаменелостей. Спичечные коробки из малоизвестных пабов в Ирландии, где Асема оказалась на полу одного из них, когда отправилась навестить родные пенаты. И спичечные коробки из пары исчезнувших саутсайдских баров, где я, по крайней мере, могла выползти на тротуар.

– Пен! Ты действительно так много пила?

– Только иногда. А ты?

– Ты же знаешь, я много чего натворила. Но сейчас я в порядке.

– Да, у нас все о'кей, ага?

Внезапно мы вцепились друг в дружку, и Пен пристально посмотрела мне в глаза. Ее голос стал хриплым:

– Как умерла Флора? Что случилось? Нет, подожди. Я не должна этого знать. Не говори.

Пен наклонилась и уронила голову на руки.

– Клей меня доконал. Я чувствительна к подобным вещам. Извини, что расстроила тебя.

– Послушай! – Я была потрясена. – Ты слышала голос. Может быть, это была Флора. У каждой из нас есть история, связанная с Флорой. Пожалуйста. Мне нужно знать о вашей дружбе.

– Дружба? Мы друг друга раздражали.

– Значит, это было что-то вроде отношений.

– Основанных на раздражении, да. Но тревожных.

– Ты же знаешь, я не расстроюсь. Пен! Тогда, на собрании, я говорила серьезно. Пожалуйста, поверь. Она действительно навещает меня каждый день. Я слышу шорох ее одежды, однажды даже слышала ее голос. Ты тоже слышала его в исповедальне. Она бродит по книжному магазину, как привидение. Да, *как привидение*, – повторила я строгим голосом, как бы желая убедиться, что выразилась достаточно ясно.

Пен бросила на меня яростный взгляд, уронила голову на руки и коротко воскликнула:

– Почему она не может оставить нас в покое?

Когда Пен сказала это, просто признав, что действительно слышала Флору, меня охватило невыразимое чувство облегчения.

– Она сводит нас с ума, – продолжила Пен. – Не удивлюсь,

если она даже сейчас не оставит нас в покое. Это урок для тебя. Коренные жители, как правило, вежливые, терпеливые люди. Она воспользовалась этим. Высасывала нашу драгоценную энергию, чтобы напитать свою нуждающуюся в ней душу.

Я заговорила осторожно, медленно:

– Знаешь, Пенстемон, это жестоко. Но я благодарна тебе. Большинство людей мне бы не поверили.

– Не поверили в то, что она здесь? Может быть, прямо сейчас? Я тебе верю. И молю Бога, чтобы она меня услышала.

– Теперь она мертва, Пен.

– Да, и забрала это с собой.

– Что забрала?

– Не бери в голову. Спроси Асему. В любом случае я чувствую себя лучше, Туки. Листья перестали носиться по небу.

День стоял безветренный, и голые ветви были совершенно неподвижны.

– Хорошо, – я похлопала Пен по руке. – Я отвезу тебя домой.

Срок

Две ночи спустя я наконец открыла книгу Флоры, которая оказалась совсем не похожей на ее спокойную белую обложку. Это был дневник в старинном переплете с раскрашенными вручную форзацами под мрамор, с завитками – золотыми и темно-красными, а также цвета индиго. Я вытащила книгу из суперобложки и осмотрела. Открывшаяся моему взгляду обложка была старой и потертой, но гладкая янтарная кожа хорошо сохранилась, учитывая, что ей явно было больше ста лет. Листы были вшиты, а не вклеены в переплет. Старая бумага элегантно состарилась из-за высокого содержания в ней тряпья. Паутинные завитки слов, написанных замысловатым почерком, торопливым и эксцентричным, не выцвели, но их было очень трудно прочесть. Писавший (или писавшая) не удосуживался ставить перекладины над «т» – возможно, записи делались в спешке или втайне ото всех. Я присмотрелась повнимательнее. Чернила были серо-голубыми. Но тетрадь определенно была старой. Я видела похожие тетради, когда проводила исследования в колледже. Я также состояла какое-то время в Историческом обществе Миннесоты – позорно короткое из-за препарата с мудреной химической формулой $C_{20}H_{25}N_3O^{31}$. В тетради имелось что-то вроде ти-

³¹ $C_{20}H_{25}N_3O$ – формула ЛСД, психоделического препарата, использующегося в различных трансцендентных практиках, таких как медитация, психонавтика и

тульного листа:

Срок,

проведенный индианкой в плену

1862–1883

Остальные слова на титульном листе разобрать было трудно. Имена оказались размытыми. Даты казались светлыми пятнами. Я поднесла книгу к лицу. Поллукс пробормотал что-то, отворачиваясь от концентрированного луча моего налобного фонарика. Я похлопала его по спине и принялась изучать убористо, гладко написанный текст. Я разобрала еще несколько слов. Но повествование, которое, казалось, начиналось в середине совершенно другого рассказа, сбивало с толку. Возраст бумаги подсказывал, что дневник действительно, скорее всего, вели в конце девятнадцатого века. Название заинтересовало меня, потому что в нем чувствовалось нечто противоположное большинству ранних рассказов о пленениях в Новой Англии, которые представляли собой пользующиеся популярностью шокирующие и благочестивые рассказы о переживаниях белых женщин, похищенных индейцами. Эта история повествовала о совершенно противоположном. Рассказ туземной женщины о пленении. Новизна идеи меня очень заинтересовала. Мое внимание привлекло название. Срок. Возможно, это был рассказ о школе-интернате или рассказ о заключении женщины из пле-

запрещенная законом (но легальная в прошлом) психоделическая психотерапия.

мении дакота после Дакотской войны, хотя я заметила слово «Пембина» и вспомнила, что так называется город на Ред-Ривер. В то время Пембина была населена моими предками, чиппева и метисами. Внезапно мне в глаза бросилась фраза: *«Приговоренная быть белой»*.

Из-за даты я предположила, что автор записок, скорее всего, принадлежала к народу дакота. После Дакотской войны 1862 года более тысячи шестисот индейцев дакота, в основном женщины и дети, были заключены в невыносимых условиях в Форт-Снеллинге³², всего в нескольких футах от Бдоте³³ – места, где начался их мир. Миннесотцы теперь ходят на пешие прогулки и катаются на беговых лыжах по местности, где так много людей умерло от холеры. Зная о чудовищном интересе белых людей к сбору костей индейцев, многие хоронили своих близких прямо под типи и спали на могилах, чтобы их охранять. После Дакотской войны отцов, братьев и других родственников-мужчин заключенных женщин и детей судили без предъявления доказательств и без адвокатов. Триста три индейца были признаны виновными. Президент Линкольн сократил их число до тридцати вось-

³² Форт-Снеллинг – бывшее военное укрепление и национальная историческая достопримечательность в американском штате Миннесота, у места слияния рек Миннесота и Миссисипи.

³³ Бдоте означает «место, где сходятся две воды». Многие индейцы дакота считают это место священным местом творения, идентифицируя себя как Викахпи Ойате («Звездный народ»), который возник в небе и затем появился на земле именно здесь.

ми. Они были повешены на следующий день после Рождества 1862 года. Тех, кто выжил, включая новообращенных христиан, женщин и детей, либо заключили в тюрьму, либо сослали в страдавшую от засухи резервацию Кроу-Крик.

Как история любого другого штата в нашей стране, история Миннесоты началась с кровавой резни, лишения собственности и порабощения. Офицеры армии США покупали и продавали рабов, в числе которых была и супружеская пара Харриет Робинсон и Дреда Скоттов³⁴. Мы несем на себе метки, оставленные нашей историей. Иногда я думаю, что первые годы существования нашего штата определили все последующее: как попытки привить прогрессивные идеи к расистскому дичку, так и тот факт, что мы не можем отменить историю, а вынуждены либо противостоять ей, либо повторять ее. Дело в том, что наши клиенты подарили мне веру в то, что мы можем добиться успеха на нашем пути.

Я захлопнула книгу. Вернее, перестала читать и закрыла ее как можно осторожнее.

Рядом с моей кроватью всегда лежат две стопки книг: легкое чтиво и сложное. Я положила книгу Флоры в стопку сложных, где уже были *«Все мы смертны»* Атула Гаванде, две работы Светланы Алексиевич и другие книги об исчез-

³⁴ Афроамериканцы Дред Скотт и Харриет Робинсон Скотт жили в Форт-Снеллинге в 1830-х годах как рабы. Северо-Западный указ (1787) и Миссурийский компромисс (1820) запрещали рабство в этом районе, но рабство все равно там существовало. В 1840-х годах Скотты подали в суд, требуя свободы и утверждая, что жизнь на «свободной территории» сделала их свободными.

новении видов, вирусах, устойчивости к антибиотикам и о том, как готовить обезвоженные продукты питания. Это были книги, которые я избегала читать до тех пор, пока во мне не откроется какой-нибудь источник ментальной энергии. Тем не менее в конце концов мне обычно удавалось прочитать книги из моей стопки сложной литературы. Сверху моей «ленивой» стопки лежала «Ребекка» Дафны дю Морье, которую я собиралась перечитать, потому что мне очень нравилась Ребекка – «плохая» Ребекка – куда больше, чем слащавая, добродушная рассказчица. Но несмотря на пышные описания поместья Мэндерли, которое было местом моих страшных снов во время пребывания в тюрьме, я вскоре забросила «Ребекку». Мне больше не нужен был Мэндерли.

У меня был Миннеаполис. Я отругала себя за трусость в отношении книги Флоры и собралась с духом, чтобы вчитаться в текст «Срока» и продвинуться немного дальше. Я даже потянулась к книге, но потом моя рука опустилась. Я боялась печалей, которые таила в себе эта история. Даже сама мысль о пленении ее рассказчицы заставила мой пульс участиться. Так что я оставила книгу Флоры лежать на месте. Но оказалось, что я была круглой душой, когда думала, что смогу ее избежать. У этой книги обнаружилась собственная воля, и она заставляла меня с ней считаться – как и с историей индейцев.

Так благодарны!

Неделя принесения благодарностей, а вернее, получения благодарностей, выдалась теплой. За день до праздника я разговаривала с Асемой возле магазина, когда к нам подошла женщина в широкополой синей шляпе и просторном синем пальто – того же цвета, что и ее большие, без ресниц, пристальные голубые глаза.

– Я должна рассказать вам одну историю, – сказала женщина.

– Одну минуту. Я разговариваю с Туки, – ответила Асема приятным голосом.

– Нет, вы послушайте, – не унималась женщина.

Она протиснулась между нами и толкнула меня в плечо. В другое время и в другом месте я бы высказала все, что о ней думаю. Но сейчас мы находились прямо напротив магазина, где я работала.

– О, конечно! – произнесла я с презрительной вежливостью, чего женщина, которой было за пятьдесят и которая только что вышла из элегантной синей спортивной машины, так подходящей к ее глазам и одежде, предпочла не заметить.

– Речь пойдет о моем прапрадедушке, – обратилась она к Асеме. – Эта история передается по наследству!

– О, вот как, – отозвалась та, бросив на меня быстрый взгляд.

– Итак, давным-давно, заходит он в свой дом на озере Калхун, ясно?

– Не совсем, – возразила Асема. – Теперь это место называется Бде-Мака-Ска.

– Что? Но ведь это было в допотопные времена, когда район застроили загородными домами. Так вот, он заходит, и прямо в гостиной видит индейцев! Перед камином! Они просто стоят в его доме!

Теперь Асема посмотрела на женщину так, что я отступила на шаг. К нам часто обращаются владельцы озерных коттеджей. Эти домики и ближайшие к ним поселки часто являются единственными местами контактов белых миннесотцев с коренными жителями. Почему? Потому что домики расположены на берегу озера – на самой ценной земле в резервациях, которая всегда является краденой. Вот почему Асема, у чьей семьи нет собственности на берегу озера, но которая сама родом с озера Лич-Лейк³⁵, однажды проговорила, что терпеть не может, когда к ней обращаются владельцы коттеджей с историями об индейцах.

– Так или иначе, – продолжила женщина, явно очарованная сама собой, – он выяснил, что индейцы были очень голодны. Типа, умирали с голоду или что-то в этом роде. Так что мой пра...

– Только не говорите мне, – произнесла Асема, улыбаясь

³⁵ Лич-Лейк – водохранилище в США, штат Миннесота. Находится на территории индейской резервации Лич-Лейк.

совершенно фальшиво, — что он вернул им землю!

— О нет, — рассмеялась женщина. — Но послушайте. Он велел своему шоферу вернуться в поселок и привезти провизию, а потом отдал *еду* индейцам!

— *Шоферу?* — возмущенно пробормотала я.

Женщина улыбнулась в лицо Асеме, ожидая реакции. Но лицо Асемы застыло от гнева.

— Значит, *потом* он все-таки вернул землю, верно?

— Нет, — возразила женщина. — Но год спустя те же самые индейцы вернулись и подарили ему настоящее каноэ из березовой коры. Они хотели отблагодарить его. Ведь он помог им с едой, чтобы бедняги могли пережить зиму. Они были так благодарны!

Женщина сияла, глядя на нас. *Так благодарны!*

Асема махнула рукой и попыталась отвернуться. Но женщина повысила голос:

— Нет, слушайте! Это еще не все! За домом моей двоюродной бабушки на озере Миннетонка³⁶ были курганы, полные артефактов. Люди всегда их раскапывали.

Теперь я подумала, что Асема может задохнуться. Или историк в ней может задушить эту женщину. Встревоженная, я положила руку ей на плечо на случай, если она схватит рассказчицу за шею. Примечательно, что та просто продолжила говорить:

³⁶ Миннетонка — озеро в штате Миннесота, расположено западнее Миннеаполиса.

– Но вы спросите, причем тут моя двоюродная бабушка? Когда она выкопала два скелета на небольшом холме за своим домом, она соединила кости проволокой, выставила их в разделе науки на ярмарке штата Миннесота и выиграла голубую ленту!

Мой рот открылся, но у меня не было слов.

Мы с Асемой были парализованы. Возникло ощущение, будто земля уходит из-под ног. Сродни тому, что вы чувствуете, когда видите, что машину, едущую впереди, занесло на льду, и она движется по шоссе боком. Именно это зачастую ощущает коренной житель, слушая, как неиндейцы ценят невероятно тесное общение с его соплеменниками.

Женщина продолжила:

– После голубой ленты моя двоюродная бабушка не знала, что делать с костями! Я имею в виду, куда их девать? Поэтому она держала их под кроватью.

Асема поперхнулась.

– Что... – хрипло выдавила она, а затем придвинулся ближе к женщине и, невзирая на приличия, произнесла ей прямо в лицо: – Она вернула кости? И землю?

Женщина внезапно поняла, что Асема вовсе не радуется ее словам. Ее лицо вытянулось, и выражение самодовольства с него слетело.

– Этого не случится.

Асема вежливо улыбнулась.

– Я постоянно слышу подобные истории. И если они не

заканчиваются возвратом того, что принадлежит нам, тогда я просто говорю: к черту такие рассказы.

Глаза женщины испуганно метнулись ко мне, но теперь я уже улыбалась. Мне говорили, что иногда моя улыбка заставляет людей чувствовать себя неловко. Женщина в синей шляпе быстро пересекла улицу и села в машину. Мы смотрели, как она уезжает.

– Пустая трата времени, – промолвила я.

– Я боялась, что ты на нее набросишься.

– Я? А как насчет тебя?

– О, я – никогда. Мы к этому привыкли. Я к этому привыкла. Мы служим определенной цели. Думаю, выслушивать нечто подобное, каким бы возмутительным оно ни казалось, – часть нашей миссии. На самом деле мне очень жаль. Не следовало выходить из себя. И конечно же, ты сама понимаешь, она хотела как лучше?..

Ее голос зазвучал тише. Сожаление после гнева – я чувствовала то же самое, что и Асема.

– Она вынашивала эту историю годами. Теперь было самое время дать ей отпор.

– Белым нужны люди, с которыми они могли бы поделиться своими историями и вопросами про индейцев, – рассудила Асема. – Но она так оттолкнула тебя в сторону...

– Да. Но я, наверное, тоже одна из таких людей.

Я вспомнила несколько вопросов, которые мне задавали посетители магазина.

ВОПРОСЫ, ЗАДАННЫЕ ТУКИ:

Не подскажете ли ближайшее место, где проводится ритуал аяхуаски?³⁷

Не могли бы вы продать мне вино мертвых?³⁸

Где мне зарегистрироваться, чтобы стать индейцем?

На сколько процентов вы индианка?

Не могли бы вы оценить мое бирюзовое ожерелье?

Не можете ли вы продать его для меня?

Не посоветуете ли вы хорошее индейское имя для моего коня/пса/хомяка?

Как мне самому получить индейское имя?

Не могли бы вы научить меня какой-нибудь индейской поговорке о смерти?

Не посоветуете ли вы мне какую-нибудь индейскую штуковину, которая вписалась бы в нашу похоронную церемонию?

Как мне узнать, не индеец ли я?

Остались ли еще настоящие индейцы?

³⁷ Аяхуаска – галлюциноген, традиционно изготавливаемый шаманами индейских племен бассейна Амазонки и употребляемый местными жителями для «общения с духами» (манинкари) в целях получения практических знаний об окружающей природе и достижения организмом человека целительных способностей.

³⁸ Вино мертвых – в Перу готовят зелье из «виноградной лозы мертвых» и употребляют его сообща. Этот напиток оказывает на психику угнетающее воздействие в современном и общепринятом смысле.

Настоящая

– Я настоящая, – всегда отвечаю я. – Настолько, насколько это возможно.

Даже несмотря на то, что иногда не чувствую себя настоящей. Я редко болею. Возможно, у меня сверхъестественный иммунитет, унаследованный от некого индейца – одного из пяти или десяти, – который пережил все болезни Старого Света, обрушившиеся на нас. Мой предок с удачливым геном, возможно, завещал мне эту стойкость. Но в то же время потеря всех, кого любишь, воздействует на твою память. Некоторые считают, что подобная травма меняет человека генетически. Не знаю, возможно ли такое, но если это так, то наряду с хорошим здоровьем я унаследовала способность забывать.

Время от времени я сталкиваюсь с этим забвением в форме ирреальной себя. Эта ирреальная «я» парализована одной бездонной мыслью: я не выбирала такой вид. То, что я возникла как Туки, не мой выбор. Что привело к этому? Кто все это устроил? Почему? Что произойдет, если я не соглашусь с этим произволом? Нелегко оставаться в таком обличье. Я чувствую, каково было бы перестать прилагать эти усилия. Без постоянной работы обличье, называемое мной, пришло бы в упадок. Я закрываю «свои» глаза и встречаю озадаченный взгляд Баджи. На его лице не видно никаких

следов борьбы. Просто вопрос. *Что это? Что это было?*
Вот вопросы, которые я задаю прозрачным занавескам.

Армейский медицинский музей

Мое намерение не знакомиться с историей о пленной индианке не сработало. Я начала чувствовать раздражающий гул осознания. Я могла чувствовать свист мыслей, проносящихся у меня в голове и возвращающихся к книге, которую я боялась читать. Мысль о том, что я должна прочитать ее, даже если это может оказаться болезненно, возникла, когда я ослабила бдительность. Я определенно не хотела погружаться в историю. Я была не просто ленива, я была напугана. Затем я начала думать о рассказанной мне истории про домик на озере, истории о «благодарности», и поняла, что, хотя люди хо-чанк и оджибве также бродили по этой местности, «благодарные» индейцы и индейские кости, о которых она говорила, вероятно, принадлежали народу дакота. Не желая обращать внимание на то, что здесь произошло, я мало чем отличалась от леди, собравшей скелеты из чужих костей. Я чуждалась памяти о живших здесь людях. Все это имело отношение к Флоре. Если я хотела избавиться от своего призрака, мне требовалось выяснить, что удерживает ее здесь, по эту сторону завесы. Мне нужно было открыть и прочитать книгу, которая убила ее.

В ту ночь я открыла книгу. Клянусь, я собиралась ее прочесть. Но кости снова мне помешали.

Имя Асемы высветилось на телефоне. Я не могла в это

поверить. Она звонила мне? Поллуксу звонит Хетта, но мне никогда не звонил никто моложе тридцати лет. В мозгу замелькали различные картины. Не похищена ли она? Или у нее кончился бензин на пустынной дороге? Я ответила сразу же:

– Ты в порядке? Что случилось?

– Я должна прочитать тебе одно место из моего исследования, проведенного на последнем курсе колледжа. Я работала над проблемой человеческих останков в Миннесоте. Конечно, я начала с доктора Мэйо³⁹. У тебя есть минутка?

Я была раздражена, как будто меня одурачили.

– Нет, я пытаюсь прочитать «Ребекку».

– В конечном счете речь в ней тоже идет о костях.

– О костях женщины, убитой за то, что она занималась сексом и была сильной.

– Не важно. Итак. Я нашла газетную вырезку тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года. Это было еще до принятия Закона о защите индейских захоронений и репатриации⁴⁰ – об Армейском медицинском музее в Смитсоновском

³⁹ Уильям Уоррэлл Мэйо (1819–1911) – англо-американский врач и химик. Желая получить тела для вскрытия, Мэйо, среди других медиков, присутствовал при повешении 38 коренных американцев в декабре 1862 года за их роль в Дакотской войне. Мэйо возглавлял команду врачей, которые выкапывали казненных и вывозили их для использования в медицинских целях.

⁴⁰ Закон о защите индейских захоронений и репатриации – федеральный закон США, принятый в 1990 г., требует, чтобы федеральные агентства и учреждения, получающие федеральное финансирование, возвращали останки индейцев и произведения их культуры соответствующим племенам.

институте⁴¹, существовавшем с тысяча восемьсот шестидесятых по тысяча восемьсот девяностые годы. Главный хирург и сотрудники музея проводили расовые исследования индейцев – мужчин, женщин, детей. Давай я тебе прочитаю кое-что.

– А это обязательно?

Она проигнорировала меня.

– Армейский хирург Б. Э. Фрайер из Форт-Харкера, Канзас. В 1868 году он три недели ждет смерти индейца кау⁴², раненного в бою. Он думает, что парень действительно хороший экземпляр, и следит за ним, как упырь. Семья этого человека знает, что у него на уме, и прячет могилу умершего. Фрайер проводит обыск и выкапывает его, но сетует, что тело было бы более ценно свежим...

Я держу телефон подальше от уха и дико оглядываю спальню.

– Затем следует хирург Г. П. Хэкенберг⁴³. Какое подходящее имя. Он работал в Форт-Рэндалле, на территории нынешней Айовы. В тысяча восемьсот шестьдесят седьмом году он был в восторге от того, что перехитрил семью лакота⁴⁴,

⁴¹ Смитсоновский институт освобожден от данных требований, однако к нему предъявляются сходные требования, согласно закону о Национальном музее американских индейцев 1989 года.

⁴² Кау – индейский народ группы дегиха (дхегиа) языковой семьи сиу.

⁴³ Созвучно слову «хэк» (*англ.* hack) – рубить, кромсать, незаконно получать доступ.

⁴⁴ Лакота (тетон-сиу, тетоны, равнинные сиу, западные сиу, лакота-сиу) – ин-

и написал: «Я знал: они не ожидают, что я отправлюсь за головой мертвеца прежде, чем он остынет в могиле, и уже вечером с двумя моими санитарами добыл нужный экземпляр». Позже Хэкенберг присылает череп, который он сохранил «из-за красивых зубов его обладательницы». Он говорит: «Это приключение кажется мне веселым, и, возможно, отчасти это объясняется тем, что я долго держал череп у себя как трофей».

– Остановись, у меня начинается паническая атака.

– Мне очень жаль. Но возможно, появление той женщины, пришедшей к нам со своей историей о скелете нашего индейского родственника, получившем первый приз на ярмарке в штате Миннесота, не было случайностью. Я имею в виду, оно вывело меня из себя. Эта леди считала, что все в порядке. Она даже не подумала, что мы примем ее рассказ близко к сердцу, Туки.

– Это твоя точка зрения?

– Остынь, пожалуйста.

– Послушай, Асема. Может быть, я ничем не лучше Хэкенберга. Я ведь похитила тело белого человека.

– Я знаю. Но это моя точка зрения.

– Намек понят. До свидания.

– Подожди. Я не договорила. Как думаешь, не начинается ли у тебя посттравматическое стрессовое расстройство?

дейский народ в США, аборигены Америки. Являются западной частью племен многочисленной группы сиу.

Может, смерть Флоры спровоцировала его?

– Нет! Флора настоящая. Я имею в виду, она настоящий призрак. Скорее уж Баджи отправил Флору, чтобы она меня преследовала. При жизни он был не прочь поквитаться с обидчиками.

– Ты выкрала его не для того, чтобы выставить на всеобщее обозрение или хранить в музейном ящике.

– Конечно, однако должного уважения к нему я не проявила. Подвязала челюсть шарфом и поставила на беднягу несколько ящиков с помидорами. И там был еще сельдерей.

– Ух, Туки. Я не знала подробностей. – Асема помолчала. – Он любил сельдерей?

– Да разве он кому-нибудь нравится? Не дури.

– Ладно, но послушай. Подумай о том, как белые люди верят, что в их домах, дворах или живописных местах обитают души индейцев, хотя на самом деле все обстоит с точностью до наоборот. Нас преследуют духи колонистов и их потомков. Нас преследуют Армейский медицинский музей, бесчисленные музеи естественной истории и музеи маленьких городков, в коллекциях которых до сих пор хранятся наши не востребуемые кости. Нас преследует...

– Асема. Ты забываешься. Люди, которые видят себя в первую очередь жертвами, обречены. Но мы ведь не обречены, да?

– Черт возьми, нет.

– Так что возьми себя в руки. А сейчас мне нужно идти.

Самосвал только что упал с неба и приземлился у меня во дворе.

– Очень смешно... Подожди...

Сонное воскресенье

Наряду с Днем приема благодарностей, Черной пятницей и Субботой малого бизнеса⁴⁵ существует Сонное воскресенье. В этот день я сплю и восстанавливаюсь после одного дня обильной еды и двух дней интенсивного шопинга. За что я приношу благодарности. За последние два года у нас был небольшой, но устойчивый рост продаж книг. Асема думает, что у людей сломались их ридеры. Дочь Луизы Паллас согласна, но еще упоминает о великом поветрии избавления от ридеров, которое началось, когда люди поняли, что электронные книги собирают данные об их привычках чтения и даже, например, знают, на какой странице они остановились. Джеки думает, что людям не хватает настоящих страниц, которые можно переворачивать. Грюн говорит, что людям не хватает возможности оставлять пометки на полях. Пенстемон убеждена, что люди скучают по запаху бумаги, такому чистому, сухому и приятному. Она даже пользуется духами под названием «Мягкая обложка». Я духами не пользуюсь. Но иногда брызгаю ими в воздух в Сонное воскресенье.

В этом месяце у меня осталось всего два Сонных воскре-

⁴⁵ Суббота малого бизнеса – американский торговый праздник, проводимый в субботу после Дня благодарения в Соединенных Штатах в один из самых оживленных торговых периодов года. Эта суббота всегда последняя в ноябре, поэтому приходится на период с 24 по 30 ноября. Суббота малого бизнеса поощряет покупателей посещать небольшие магазины.

сенья. Наша дочь возвращается. Хетта приедет 19 декабря и останется до Рождества. На Новый год она вернется в Санта-Фе, потому что тамошняя «плаза»⁴⁶ прекрасна в новогоднюю ночь, согретая кострами, разожженными рядом с уютными заведениями, где можно выпить горячего шоколада и горячего рома с маслом, а также поесть бискочитос⁴⁷. Она хочет жить там вечно, или пока в тех краях не иссякнет вода, и тогда она планирует переехать на Верхнее озеро.

– Тебе это не по карману, как и Санта-Фе, – сказала я ей, когда она поделилась с нами планами.

Почему я это сказала? Очевидно, потому, что я первая стерва. Я не виню Хетту за то, что она ответила на мой комментарий колкостью. Я не виню ее, потому что не понимаю саму себя, когда нахожусь рядом с Хеттой. Не знаю, как ей удастся нажимать на все мои кнопки и перебирать каждую мою струну. Она бросает листья салата в мою тушеную оленину, расходует в невероятных количествах мое мыло для мытья посуды, раскалывает мои деревянные ложки, добавляет непомерное количество муки в мой соус. Она

⁴⁶ Плаза в Санта-Фе – национальная историческая достопримечательность в центре Санта-Фе, штат Нью-Мексико, выстроенная в стиле традиционных испано-американских колониальных городов. Площадь, или «плаза», первоначально была и остается по сей день центральным местом сбора людей в городе.

⁴⁷ Бискочитос (уменьшительное от испанского *бискоcho*) – хрустящее сладкое печенье, характерное для кухни Нью-Мексико, приправленное сахаром, корицей и анисом. Тонко раскатанное тесто традиционно нарезается в форме лилий, а иногда крестов, звезд и лун.

испачкала мои простыни, причем не менструальной кровью, что было бы понятно, а желтой французской горчицей, которую, находясь под кайфом, выдавливала из тубика, создавая узоры, имевшие, по ее мнению, тайный смысл.

Она так похожа на меня.

Вот почему я такая, когда нахожусь рядом с ней, думает обо мне Поллукс.

Но теперь вернемся к Сонному воскресенью.

Поллукс придумал себе приключение. Он собирался выучить новую песню. Песню, которая, как сказал он, заставит весь мир вращаться. Я была рада.

Потому что мне казалось, будто мир остановился. Небо было невероятно серым и подходило по цвету к прохладной коре деревьев. Над озером поднимался густой туман. Солнце тоже было серым, как и моя кровь, если она еще оставалась в теле. Я чувствовала, что это не так. Кровь заменил вязкий агар, ограничивающий доступ ко всему, кроме серых клеток. Я даже не чувствовала, как бьется сердце. Призрак. Я проснулась призраком. Наступило Сонное воскресенье, так что никто меня нигде не ждал, во всей вселенной, будь то человек или дух. Это был день, который не предъявлял ко мне никаких претензий. Я имела полное право претерпеть любые изменения.

Или почитать.

Я выбрала стопку сложного чтива и потянулась к ней.

Почему я это сделала, когда не планировала даже прилагать усилия, чтобы оставаться организованным существом в узнаваемой форме, не знаю. Может быть, я забыла об этом, что обычно служило хорошим знаком. Иногда я могу забыть-ся и победить в борьбе с забвением самой себя. Во всяком случае, я не отдернула руку. Она отправилась на поиски самой трудной книги в стопке. «Срок». На этот раз, очевидно, потому что серый цвет колонизировал мое агаровое сердце, я почувствовала, неожиданно и обнадеживающе, легкую панику и ради своего собственного спасения начала читать, строчка за строчкой. Это означало, что я стала принимать образ человека, разговаривающего с той, которая их написала. Я была удивлена, обнаружив, что она очень похожа на фотографию вымышленной бабушки Флоры. Это была молодая женщина с выражением скрытого страдания во взгляде. Ее что-то терзало. Боль. Вызванная тем, чего я еще не знала. Та, чья история была записана в книге, походила на заключенную, отбывающую очень долгий срок. Некогда и на моем лице можно было прочесть это выражение.

И все же я начала расшифровывать написанное. Мне удалось прочесть несколько предложений:

Как токо я вошла в эти двери, я ришила, что несмотря на то, что они папытаются изменить меня, это не приви-дет к успеху. Низависимо от того, что они со мной здела-

ют, быть белой женищиной в теле индианки все равно станитмаим «пожизненным сроком». Меня приговорили быть белой – такова была моя судьба.

Затем я совершила ошибку. Я заглянула вперед. Я решила открыть страницу, отмеченную Катери, последнюю, на которой остановился взгляд Флоры перед смертью. Я почувствовала, что меня тянет к ней, и быстро пролистала книгу. Почерк на отмеченной странице был еще более неразборчив. Я пыталась разобрать его, буква за буквой. Как только у меня складывалось слово, я бормотала его вслух. Пыталась найти в прочитанном смысл. Артикулировала буквы. Затем пробовала произнести следующее слово. В течение какого-то времени, продвигаясь по тексту, я помнила эти слова, но сейчас их забыла. Я была так поглощена этим занятием, что сердце бешено колотилось. Я услышала снаружи дома свист, но это был не свист поезда. Это был какой-то другой звук, тихий и сокровенный, раздавшийся прямо у окна. Я уже слышала такой свист раньше. За ним последовало кое-что нехорошее. Я вздрогнула – и тут это случилось. Я почувствовала, как мое тело распадается на мириады клеток. Мои мысли истекали кровью в уничтожающем все сером свете. Я увидела, как мои атомы разлетаются, словно черный снег, в воздухе спальни. Я посмотрела на себя, лежащую на кровати, и обнаружила, что смотрю с разных точек – на стены и в окна. Я превратилась в калейдоскоп. Я стала многоглазой, всевидящей. Клет-

ки вылетали из моего тела, быстрее и быстрее, пока, хлоп – я не исчезла. Долгое время ничего не происходило. Медленно, гораздо позже, я вернулась в постель. Как только я смогла пошевелить пальцами, я закрыла книгу.

Черный снег

Никогда

Я попыталась сжечь книгу. Я продавщица книг — это индивидуальность, образ жизни. Умышленно сжечь книгу, причем единственную в своем роде, оригинальное произведение, — это то, на что я могла решиться лишь в состоянии отчаяния. Тем не менее я была вынуждена признать, что в этой книге содержится предложение, которое меняется в зависимости от способности читателя его расшифровать и может каким-то образом убить его. Я не хотела выяснять, есть ли в моей ужасающей идее хоть какой-то смысл. Я просто хотела уничтожить книгу. После моего предсмертного опыта, после того как уронила книгу в тот день, я, по-видимому, сразу погрузилась в глубокий сон и проспала всю ночь. Пока я спала, вернулся Поллукс и лег в постель рядом со мной. Обычно я сплю чутко, но тут даже не пошевелилась. В ту ночь поднялась сильная буря и повалила более чем столетний вяз (на самом деле ему было 102 года) на нашем заднем дворе. Он упал совсем близко от дома, промахнувшись всего на несколько футов. На следующее утро я выглянула в перевернутый мир, полный ветвей. Если бы я полностью прочла то предложение, упало ли бы дерево прямо на

нас, пронзив огромными ветвями крышу, убив меня и пригвоздив Поллукса? Возможно, оно действительно прикончило бы нас обоих своими сучьями. Было ли это предложение продолжением повествования, которое я, к счастью, пропустила? Я не собиралась это выяснять. Никакого расследования не требовалось, никаких дополнительных вопросов. Эта книга приговорила к смерти мою самую раздражающе преданную покупательницу. Она также пыталась убить и меня. На заднем дворе стоял гриль хибати⁴⁸, и я держала банку с жидкостью для розжига дров.

Это ужасно, когда вы не можете сжечь что-то явно легко воспламеняющееся. Книги, конечно, печально известны тем, что горят при температуре 451 градус по Фаренгейту. Я разожгла угли и попыталась поджарить книгу. Я пробовала сразу сжечь ее, однако кремовая суперобложка и прочная бумага остались нетронутыми огнем. Я была слишком раздражена, чтобы бояться. Наконец, потерпев неудачу, я села на ступеньки и уставилась на книгу, едва обгоревшую. Возможно, в тот момент я бы позвала на помощь Поллукса, но рано утром он отправился на озеро Нокомис из-за своей бабушки. Именно туда он отправлялся, чтобы побродить по берегу. Там ему хорошо вспоминалось о ней. Я уставилась на книгу, а затем опять посмотрела на нее чуть пристальнее.

⁴⁸ Хибати (другой вариант произношения – хибачи) – традиционная передвижная японская печь для обогрева и приготовления еды, располагавшаяся в центре помещения.

Тесак?

Или топорик... У нас был подходящий для кемпинга. Я столкнула книгу с гриля и принялась рубить ее заточенным лезвием. Книга выдержала и это. Осталась едва заметная вмятина, ни царапины, ни полосы грязи, ни обгоревшей бумаги. Я никогда в жизни не сталкивалась с объектом, который до такой степени сопротивлялся бы законам природы. Поэтому я начала ругаться, костеря ее на чем свет стоит, пользуясь всеми ругательствами, которые знала или могла изобрести. Затем я взяла лопату и вырыла яму в той части двора, которая находилась за огромным поваленным деревом. Я провела остаток утра, роя, покуда хватило сил, положила в яму книгу и накидала поверх нее выкопанную землю. Конечно, когда вы роете яму, всегда остается разрыхленная почва. Я разбросала эту лишнюю землю по двору так аккуратно, как только смогла, а затем рухнула на диван с несколькими книгами Марка Данилевского. В чтении его книг был какой-то атлетизм, который мог отвлечь меня от того, что произошло. Я включила настольную лампу, позвонила Джеки, чтобы поболтать с ней о случившемся за день, и запланировала разморозить суп из бычьих хвостов. Я выполнила подъемы ног и приседания между эпизодами чтения текстов Данилевского в качестве тренировки. Хотя на самом деле я бы не назвала себя сильной. Сколько бы я ни качала пресс, у меня все равно слегка утолщенная талия женщины средних лет. Это приводит в бешенство. Может, все дело в пиве.

102 года

Мое любимое дерево росло больше века, а теперь повалено прямо рядом с домом, как будто нарочно промахнувшись мимо него. Его обширная крона из замысловатых голых ветвей застилала окна. Я погладила покрытую лишайником рифленую кору. Было очень странно, что дерево упало, не обремененное тяжестью листьев, когда земля если и не замерзла, то была, по крайней мере, тверже, чем во время летних ливней. Да, я определенно винила книгу. Основание дерева, открывшееся на бульваре, представляло собой одновременно и завораживающее и печальное зрелище. Из-за того, что корни обломились и лопнули под землей, корневая система казалась сильно разреженной, но, когда Поллукс вернулся домой, он заверил меня, что корневая система была под стать кроне. Корни уходили под улицу, прятались под дерном, проникали во двор и, возможно, окружали весь дом.

– Как вверху, так и внизу, – пробормотала я.

Мы уставились друг на друга.

– Мир нижний питает мир верхний, – сказал муж. – Это просто.

И Поллукс завел речь о кирпичях дома, стоящего дальше по улице, столбах каменных ворот, упомянул газовые баллоны и корни, скрытые водоносные слои, металлы.

– Все это из-под земли, верно? Мы слишком долго черпа-

ли там необходимое для нашей жизни, – вздохнул он.

– Ты вот-вот начнешь говорить об ископаемом топливе.

– А как же? Ведь мы качаем нефть и добываем в шахтах полезные ископаемые.

– Началось.

– Все наладится, когда мы начнем жить тем, что есть наверху, овеваемые ветром и освещаемые солнцем.

– Закончил?

Я не хотела спорить с мужем. Вместо выяснения отношений меня занимало дерево. Поллукс приготовил нам по кружке кофе, мы забрались по ветвям и уселись наверху. Свет был ясным, теплый воздух казался водянистым. Утренний иней таял на поразительно зеленой траве. Мы втиснулись в крону дерева, такого грациозного и мощного, такого манящего, пусть и лежащего на боку. Я вдруг почувствовала – хотя и была лишена своего дерева – огромную радость оттого, что сижу там, в кроне 102-летнего вяза, и пью не простой кофе, а эфиопский, который мне подарила Пенстемон, утверждая, что его аромат напоминает землистый запах перегнивших цветов. Похоже, она была права. Поллукс удобнее устроился на ветке и закрыл глаза.

Асема приехала, потому что я отправила ей сообщение о моем дереве и его предполагаемом возрасте. Она любительница деревьев.

– Я бы хотела, чтобы ты просто оставила его здесь, как оно лежит, – произнесла она, опершись на ствол.

Я взглянула на то место, где закопала книгу, и обрадовалась, заметив, что земля выглядит нетронутой. Его почти нельзя было обнаружить. Мне стало интересно, будет ли книга выглядеть так, как прежде, если я ее откопаю. Покоробилась ли обложка, потрескалась ли отделка, пропитались ли влагой страницы, сделав смертоносный текст нечитаемым? Образ бледной книги всплыл в моем сознании. Я выбросила ее из головы, прислонилась к ветке со своим горячим кофе и закрыла глаза.

– Ваше дерево такое красивое, такое дружелюбное. Оно сейчас похоже на великана, положившего руку на землю, чтобы убаюкать мышь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.